

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
въ Россіи.

Безъ доставки

на годъ . . . 7 р. 50 к.

на 9 мѣсц. . . 5 р. 75 к.

на 6 мѣсц. . . 4 р. —

Отдѣл. нумера по 20 к.

Съ доставк. и пересылкой

на годъ . . . 8 р. —

на 9 мѣсц. . . 6 р. —

на 6 мѣсц. . . 5 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за Границею

на годъ . . . 14 руб.

Статьи и требованія адресуются въ
ред. Спб., Знамен. д. № 14, кв. 5.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ Спб.,

Ивановская, д. № 13, кв. 18.,

а также въ книж. маг. Волы-

фа, Нев., Гостиный дв. № 18.

Въ Томскѣ—въ книжномъ

магазинѣ Макушина.

Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ

Редакціи газеты «Сибирь».

Въ Омскѣ—въ книжн. ма-

газинѣ Александрова.

Въ Тибельѣ—въ книжн.

агентствѣ Шавердова.

СОДЕРЖАНІЕ: Начало сибирскихъ реформъ. — Государство и общество. С. — Вѣсти съ Востока. — Правительственныя сообщенія. — Монгольская литература. А. М. Позднѣва. — Не Сибирская и Сибирская желѣзная дорога. — Корреспонденціи. — Гонимые (оковчаніе). Н. И. Наумова. — Телеграммы. — Хроника жизни за недѣлю. — Библиографія. — Биржевыя извѣстія. — Объявленія.

НАЧАЛО СИБИРСКИХЪ РЕФОРМЪ.

Мы получаемъ съ отдаленнаго востока массу писемъ и пожеланій, чтобы административная реформа осуществилась для Сибири, и кромѣ размежеванія районовъ выразилась въ упраздненіи генералъ-губернаторствъ въ центральныхъ губерніяхъ. Надо замѣтить, что эти пожеланія несутся какъ изъ Западной Сибири, такъ и Восточной, и изъ послѣдней еще болѣе. Заявлять объ этомъ край имѣеть вѣроятно серьезныя причины. Голосъ народа, голосъ—Божій. Зная сибирскую жизнь, мы убѣждены, что эта мѣра будетъ шагомъ, который введетъ Сибирь въ фазисъ новой жизни наканунѣ ея 300-лѣтія. Послѣ долгихъ ожиданій мы готовы привѣтствовать эту мѣру, какъ начало измѣненій стараго сибирскаго режима. Всѣми сознано, что учрежденія 1822 г. отжили свое время и не представляютъ достаточныхъ гарантій контроля, какъ и обезпеченія законности. Созданныя въ Сибири для водворенія этой законности и правильнаго порядка управленія, для ограниченія самовластія послѣ Сперанскаго, они не выполнили ни одной изъ своихъ задачъ, напротивъ, создали систему *усмотрѣній*. Несмотря на то, что Сперанскій желалъ подлѣ генералъ-губернаторской и губернаторской власти соорудить учрежденія, ограничивающія эту власть, а мѣстнымъ совѣтамъ придать компетенцію, планъ этотъ не удался. Бюрократическіе совѣты оказались слабыми, вялыми, зараженными канцелярской рутинной и явились вполнѣ безсильными. Составъ этого центрального учрежденія бывалъ такъ плохъ, что лучшіе генералъ-губернаторы должны были стараться объ ихъ очищеніи и перемѣнахъ. Но рядомъ съ этимъ, генералъ-губернаторская власть съ 20-хъ годовъ возвратилась къ прежнему началу всевластія, которое хотѣлъ уничтожить Сперанскій, то-есть исторически Сибирь не подвинулась ни на шагъ. Сибирскія учрежденія такимъ образомъ далеко не осуществили своей программы и того духа, который хотѣлъ вложить въ нихъ законодатель. Исторія ихъ существованія обнаружила несостоятельность ихъ, поэтому приговоръ надъ ними понятенъ. Если не приходится жалѣть фиктивные совѣты и главныя управленія, тѣмъ менѣе заслуживаетъ сожалѣнія уничтоженіе генералъ-губернаторскаго самовластія

и произвола. Не мѣшаетъ напомнить тѣ начала и принципы, которые были положены еще 60 лѣтъ назадъ въ основу обновленнаго административнаго склада и поставлены были цѣлью реформы однимъ изъ лучшихъ законодателей. Вотъ что имѣлъ въ виду Сперанскій. Онъ желалъ положить всякій предѣлъ необузданной власти въ Сибири и произволу: 1) преобразить личную власть начальниковъ въ установленіе и, соединивъ единство ея дѣйствія съ *гласностью*, охранить ее отъ самовластія и злоупотребленій законными средствами; учредить ея дѣйствія (т.-е. распоряженія), чтобы они не были личными и домашними, а служебными и *публичными*; 2) усиливъ надзоръ, собрать раздробленные и безсильныя его части въ одно *установленіе*, и такимъ *учрежденіемъ замѣнить, съ одной стороны, удаленный отъ Сибири надзоръ высшаго правительства, а съ другой—недостаточный надзоръ общественнаго мнѣнія*; 3) раздѣлить и опредѣлить тѣ административныя функціи, которыя были прежде смѣшиваемы въ разныхъ учрежденіяхъ; 4) привести въ согласіе всѣ части управленія; 5) приспособить управленіе къ особенному положенію тѣхъ сибирскихъ областей, которыя при огромномъ пространствѣ имѣютъ весьма мало населенія; 6) ввести простоту и удобство обрядовъ, въ видахъ усиленности и быстроты разрѣшенія дѣлъ.

Начала эти весьма важны при всякой реформѣ и должны послужить исходною точкою. Сперанскій и Козадавлевъ, высказываясь въ государственномъ совѣтѣ, имѣли въ виду отдѣлить административную и судебную власть, ввести простоту обрядовъ, скорость и публичность рѣшеній, значить начала «новаго суда», затѣмъ расширить права городскихъ управленій. Графъ Блудовъ въ замѣчаніяхъ о сибирскихъ учрежденіяхъ предлагалъ въ совѣтахъ имѣть людей съ мѣстными свѣдѣніями и знакомыхъ съ нуждами края. (И. С. З. 8 ноября 1856 года № 31124 и Вагинъ о Сперанскомъ, ч. II с. 399). Что же сдѣлали генералъ-губернаторы для осуществленія этого юридическаго различія? Они смѣшали всѣ функціи въ одномъ лицѣ и парализовали губернскія учрежденія. Козадавлевъ когда-то предполагалъ ввести *выборный элементъ* въ совѣты высшаго сибирскаго управленія, какъ лучшую гарантію

правильности разрѣшенія вопросовъ. Сперанскій остановился предъ практическимъ примѣненіемъ, сочувствуя однако этому началу. Онъ опасался почему-то, что выборы для сибирскихъ обывателей будутъ обременительны. «Правильнѣе было бы составить совѣтъ изъ лицъ мѣстному управленію (административному) постороннихъ, но въ Сибири нѣтъ дворянства и весьма мало купечества; впрочемъ, когда Сибирь будетъ имѣть населеніе, когда богатства ея придутъ въ большее движеніе и доходы ея умножатся, тогда можно будетъ составить совѣтъ главнаго ея управленія изъ людей высшаго мѣстнаго сословія, что не сдѣлаетъ существенной перемѣны въ предполагаемыхъ нынѣ учрежденіяхъ» *). Такимъ образомъ, Сперанскій смотрѣлъ на свои учрежденія, какъ на переходныя, его удерживало только опасеніе, что Сибирь не найдетъ развитыхъ выборныхъ элементовъ. Генераль-губернаторская власть между тѣмъ никогда не ходатайствовала о земствѣ и ни разу не обращалась къ совѣту мѣстныхъ жителей, какъ, напримѣръ, сдѣлала въ послѣднее время архангельскій губернаторъ Барановъ. Она разрывала сношенія съ обществомъ, а не сближалась съ нимъ. И Козадаевъ и Сперанскій одинаково желали простора гласности въ Сибири, какъ лучшей помощницы для высшей власти въ раскрытіи мѣстныхъ злоупотребленій, но мѣстная власть на Востока съ времени Пестеля вела только борьбу съ этою гласностью, стремясь, чтобы съ Востока ничего не доносилось.

Учрежденія Сперанскаго по духу шли въ разрѣзъ съ личною генераль-губернаторскою властью управленія по капризу и скорѣе умаляли ея, чѣмъ усиливали. Для этого достаточно припомнить главныя основанія сибирскаго управленія. Вотъ эти слова въ официальномъ объясненіи.

«Если бы личная власть, предоставленная до 1819 года бывшимъ въ Сибири главнымъ правителямъ, и ограждалась подробными и самыми вѣрными правилами: то и тогда, бывъ удалена отъ надзора, и не имѣя вокругъ себя ни преграды, ни предостереженія, она легко могла бы перейти въ самовластіе. Довѣріе къ личнымъ свойствамъ тутъ не защита, ибо въ самовластіе впадаютъ постепенно, нечувствительно и не всегда съ худымъ намѣреніемъ. Напротивъ, при намѣреніяхъ самыхъ лучшихъ, по самому усердію къ добру, и желая дойти къ сему кратчайшею дорогою или избрать рѣшительнѣйшія мѣры, увлекаются въ заблужденія; сперва для сокращенія нарушаютъ формы маловажныя, потомъ идутъ къ важнѣйшимъ, наконецъ касаются и существа дѣла, и такимъ образомъ, поступая всегда по добрымъ побужденіямъ, испровергають порядокъ, и, дѣйствуя по совѣсти, дѣйствуютъ противозаконно».

(Обозрѣн. Главн. мѣстн. управ. Сиб. Изд. 1841 года стр. 14).

Съ этимъ началомъ однако не могла примириться генераль-губернаторская власть, во все время ея существованія. Послѣ Сперанскаго она стремилась сосредоточить все управленіе въ своихъ рукахъ, взять все на свою отвѣтственность и нарушила духъ законовъ сибирскаго учрежденія.

Указавъ на эти начала, которыя не могли быть проведены только въ силу несостоятельности орудій и созданныхъ учреждений, многіе задаются мыслью, насколько указанная начала осуществляются при новой реформѣ, съ упраздненіемъ генераль-губернаторства. У мѣстныхъ жителей, наиболѣе знающихъ сибирскіе безпорядки, является невольна вопросъ: въ

*) Историч. свѣд. о дѣятельн. графа Сперанскаго въ Сибири, Вагина, т. II, гл. XIII, стр. 312.

чемъ будутъ заключаться гарантіи и спасеніе отъ злоупотребленій и того же произвола, вносимаго въ жизнь мѣстными губернаторами. Если до сихъ поръ на нарушеніе законовъ и на губернской произволъ являлась высшая аппелляція у генераль-губернаторовъ, то уничтоженіе этого учрежденія не лишаетъ-ли сибирскихъ жителей послѣдняго заступничества? Доводы эти сторонниковъ генераль-губернаторской власти дѣйствительно имѣли бы основаніе, еслибы историческое прошлое указанныхъ учреждений свидѣтельствовало объ упомянутой роли ихъ въ сибирскихъ дѣлахъ. Но мы видимъ далеко не то. Только немногіе энергичные и способные генераль-губернаторы поднимались до высоты этой задачи, другіе брали подъ свое покровительство и защиту весь старый сибирскій режимъ со всеми его злоупотребленіями, дѣлая предметъ этотъ вопросомъ самолюбія. Являясь въ Петербургъ, они увѣрили, что у нихъ «все обстоитъ благополучно», что Сибири реформъ не пужно, что она еще не дозрѣла и все, что доносится о злоупотребленіяхъ, есть клевета и ябеда. Это говорилось, когда на мѣстахъ страдали. Какую же защиту могли видѣть сибирскіе жители въ подобномъ отношеніи? Сибирское учрежденіе и генераль-губернаторства создавали и исключительные законы и выдѣляли Сибирь отъ всякихъ улучшеній. «Общее Положеніе» является напротивъ осуществленіемъ того принципа законности, который имѣлъ въ виду и Сперанскій. Конечно, этотъ принципъ потребуетъ введенія рядомъ всѣхъ тѣхъ учреждений, которыя способствуютъ осуществленію законности и правовому порядку. Предоставленіе власти однимъ губернаторамъ не соответствовало бы настоящимъ нуждамъ только тогда, если губернаторская власть въ сибирскихъ губерніяхъ останется при прежнихъ до-реформенныхъ учрежденіяхъ и ей будетъ предоставленъ просторъ для произвола. Усиленіе власти второстепеннаго администратора, неуправляемаго контролемъ, конечно, можетъ повести къ новымъ злоупотребленіямъ. Но общее положеніе закона не даетъ основанія разумѣть это. Въмѣсто старыхъ сибирскихъ учреждений, въ губерніяхъ, конечно, будетъ создано нѣчто болѣе дѣйствительное. Сильная прокурорская власть, рядомъ съ новыми судебными уставами, должна стоять рядомъ и сдерживать одинаково и административныя поползновенія. Въмѣстѣ съ тѣмъ, это будетъ желаемымъ раздѣленіемъ властей, предположеннымъ еще Сперанскимъ. Доселѣ административныя обязанности губернатора смѣшиваются съ судебными функціями, какъ и во всемъ строѣ сибирской жизни. Далѣе, отъ администраціи должно отойти хозяйство, городскія и земскія учрежденія, что облегчитъ задачи администраціи. Идея компетентности мѣстныхъ сословій и ихъ помощи постепенно будетъ осуществляться. При «Общемъ Положеніи, по всей вѣроятности, будетъ предоставленъ доступъ «гласности», къ которой также стремились прежніе законодатели. Для высшаго правительства въ краѣ отдаленномъ она драгоценна. Беззаконія, своевластіе при гласности всегда доносятся. Словомъ, нынѣ можетъ выступить цѣлый рядъ учреждений и силъ, которыхъ прежде не существовало. «Общественное мнѣніе», на недостатокъ котораго указывалъ Сперанскій, теперь не является пробѣломъ, оно зарождается при гражданственности края. Взамѣнъ высшихъ сословій, въ Сибири есть городскіе классы, зажиточныя сословія, образованные свои служебные и неслужебные, практическое, умное и честное крестьянство, научившееся своимъ хозяйствен-

нымъ дѣламъ и сплоченное въ общество съ хозяйственной организаціей. Прислушаться къ голосу мѣстнаго населенія представляется полная возможность. Такимъ образомъ, все облегчается введеніе «Общаго Положенія». Самая административная реформа при этомъ является не столько внѣшнимъ распредѣленіемъ районовъ, сколько измѣненіемъ по существу и введеніемъ новыхъ началъ, соотвѣтствующихъ болѣе времени и основамъ законодательства всякаго просвѣщеннаго народа. Должно только желать, чтобы рядомъ съ уничтоженіемъ генералъ-губернаторовъ подвинулось дѣло общихъ преобразованій въ сибирскихъ губерніяхъ, что неминуемо съ упраздненіемъ главныхъ управленій, сосредоточивавшихъ въ дѣлѣ министерствъ: внутренняго, финансовъ, юстиціи и государственныхъ имуществъ. Остается на очереди распредѣленіе этихъ дѣлъ по губерніямъ среди новыхъ учреждений. Такимъ образомъ административная реформа должна разсматриваться, какъ реформа *общественная*, которая ослабитъ гнѣтъ, дастъ больше простора для развитія общественныхъ силъ и изъ сатрапіи создастъ гражданскую страну. Вотъ почему общественныя симпатіи стоятъ на сторонѣ этой реформы.

Вслѣдъ за административною реформою сама собою выдвинется цѣлая масса задачъ и другихъ вопросовъ, затронутыхъ жизнью края. Административная реформа и уничтоженіе генералъ-губернаторствъ, такъ сказать, очищаетъ мѣсто имъ. Нужды и задачи весьма многочисленны въ Сибири, такъ какъ край въ до-реформенной жизни черезъ-чуръ накопилъ ихъ, но разрѣшеніе ихъ просто и проще, чѣмъ гдѣ-либо. Нужды этого отдаленнаго края откладывались слишкомъ долго, поэтому они теперь являются слишкомъ настоятельными, выступаютъ сразу и требуютъ немедленнаго разрѣшенія. Такъ случилось съ университетскимъ вопросомъ, который разрѣшился сразу, такъ совершается съ административною реформой, благодаря энергіи нынѣшняго министерства. Здѣсь приходится разсѣкать гордіевы узлы времени. Нѣтъ сомнѣнія, что за этимъ выступить и всѣ другія народныя нужды и вопросы на Востокѣ.

Вопросы эти, весьма долго залежавшіеся въ спеціальныхъ учрежденіяхъ и комиссіяхъ, начинаютъ получать движеніе. Новости объ этомъ мы поставляемъ своею задачею сообщать. Все это даетъ основаніе предполагать, что восточная окраина живетъ у начала неотложныхъ реформъ, которыя начинаютъ уже осуществляться.

Въ виду многочисленныхъ жалобъ на безпорядокъ жизни, въ виду тѣхъ горькихъ воплей, которые несутся, подъ тяжестью жизни, надъ горькою и бездольною нашею землею, мы обращаемся къ нашимъ землякамъ, указывая на симптомы переменъ въ старомъ сибирскомъ строѣ. Мы просимъ друзей, товарищей и братьевъ за Ураломъ, несмотря на всѣ превратности и мрачное настоящее существованіе, укрѣпиться вѣрою въ будущность нашей дорогой родины, въ ея человѣческое призваніе, обновленіе и сохранять надежду до лучшаго времени.

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО.

Взаимныя отношенія между этими проявленіями социальной жизни—вопросъ не газетной статьи. Но и въ газетной статьѣ нельзя миновать отношеній къ этому вопросу той или другой изъ рѣшающихъ его сторонъ. Однимъ, на примѣръ, способомъ свойственно разрѣшать его центрамъ, и совсѣмъ другимъ—провинціямъ.

Что бы ни стали разумѣть подъ именемъ центра, будетъ ли то центральная, господствующая національность, это ядро всякаго государства, или же центральная правительственная власть, или центральный, т.-е. столичный городъ, или, наконецъ, столичная пресса, публика, господствующая вѣра, преобладающее право,—всѣ они склонны рѣшать вопросъ въ пользу государства, т.-е. государству давать всякое предпочтеніе предъ обществомъ, обращать все свое вниманіе главнымъ образомъ на первое, а не на второе, и отъ него одного ожидать всѣхъ возможныхъ благъ и всѣхъ единственно дѣйствительныхъ стимуловъ общежитія. Причина подобнаго предрасположенія понятна сама собою. Господствующая національность, власть, столица, вѣра, право, пресса, все это и есть именно то, что или слагаетъ собою самое государство или, по крайней мѣрѣ, государственностью производится. А потому и государственная точка зрѣнія есть для всѣхъ для нихъ, такъ сказать, своя собственная точка, соступить съ которой для всякаго зрителя такъ не легко, въ особенности когда на ней простояли въ теченіи многихъ столѣтій. Отсюда вся, на примѣръ, законодательная разработка въ государствѣ ограничивается обыкновенно какимъ нибудь разъ навсегда предпочтеннымъ правомъ; и если когда нибудь, государство задумываетъ организовать обычное, мѣстное право, какъ задумалъ-было Сперанскій для Сибири, то оно обыкновенно не успѣваетъ въ этомъ, и только безъ нужды разбрасывается въ стороны. Такое дѣло съ руки ученому обществу, научной экспедиціи, мѣстному изслѣдователю, но никакъ не бюрократіи и не государству. Отсюда также и то, что и самая пресса центральная естественно поглощена тѣмъ, что у нея наибаче мечется подъ глазами. Новыя законодательныя мѣропріятія, новыя распоряженія административныя, новыя судебныя процессы, новыя бюджеты, назначеніе новыхъ должностныхъ лицъ,—вотъ главнѣйшій матеріалъ всей центральной публицистики, весь предметъ ея критики, ея вѣрованій, надеждъ и пожеланій.

Нѣсколько иная природа у другой точки зрѣнія,—мѣстной, областной. Стоя вдали отъ всякихъ центровъ, отъ столицы, отъ власти, отъ центральнаго общественнаго мнѣнія, находясь постоянно подъ впечатлѣніемъ, не столько инициативы всѣхъ предпринимаемыхъ мѣръ, сколько самыхъ послѣдствій ихъ на мѣстахъ,—область, провинція естественно переполняется созерцаніемъ этихъ послѣднихъ, а не первыхъ. Такимъ образомъ, точка зрѣнія мѣняется; государственность поневолѣ отходитъ на второй планъ, а на первый выступаетъ общественность, т.-е. то, что оставалось на второмъ планѣ въ первомъ случаѣ. Извѣстно, на примѣръ, что каждая государственная мѣра, кромѣ той цѣли, какая имѣлась у нея въ виду при самомъ изданіи, разрѣшается обыкновенно еще многими другими послѣдствіями, которыя не только не входили въ ея намѣренія, не только были вполне непредвидѣнными, но

нерѣдко идутъ даже наперекоръ тому, что имѣлось въ виду. Такъ, на примѣръ, крестьянская наша реформа имѣла цѣлью главнымъ образомъ освободить народный трудъ, обезпечивъ при этомъ только податныя обязанности крестьянъ предъ правительствомъ. Между тѣмъ, дѣйствительныя послѣдствія реформы далеко опередили собою сравнительно скромныя намѣренія законодателя. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ вовсе, на примѣръ, не задавался никакимъ планомъ той всеобщей перетасовки недвижимой собственности, какая оказалась на самомъ дѣлѣ, и которая, съ одной стороны, словно молоть, дробить и измельчать съ тѣхъ поръ и понынь крупную недвижимую собственность, а съ другой, неудержимо передвигаетъ земли изъ рукъ помѣщиковъ въ руки капиталистовъ. Нѣтъ также сомнѣнія, что, предпринимая сооруженіе сѣти желѣзныхъ дорогъ, законодатель руководился соображеніями стратегическими и торговыми, но вовсе не думалъ о перестройкѣ общества, о реорганизаціи его классовъ. Тѣмъ не менѣе, однакожь, желѣзнодорожная горячка несомнѣнно выдвигала несуществовавшую до тѣхъ поръ у насъ буржуазію и противопоставляла её существовавшей до тѣхъ поръ аристократіи, которой никто и не думалъ подрывать и подкапывать. Все эти и подобныя имъ послѣдствія государственныхъ движеній гораздо ошутительнѣе всегда на мѣстахъ. Глядя изъ центра, судя по однимъ извѣстіямъ, ихъ можно и просмотрѣть; на мѣстахъ же онѣ дѣйствуютъ со всею рѣзкостью животренущаго факта, бьющаго въ глаза, и дающаго себя чувствовать подъ часъ жутко и больно, такъ, что не замѣтить его нельзя, и нѣтъ надобности въ наведеніи справокъ о немъ. Вотъ причина, почему провинціальное зрѣніе предрасположено увлекаться не столько официальной стороною общей жизни и дѣятельности, сколько неофициальной. Вотъ почему оно гораздо больше, чѣмъ центральное, способно поглощаться наблюденіемъ и изученіемъ не господствующей церкви, а раскола, не дѣйствующаго права, а обычнаго, не письменной литературы, а устной, не верхнихъ слоевъ населенія, а нижнихъ, не жизни бюрократіи, а жизни земщины, не господствующаго племени, а инородческихъ, не вопросовъ суда, а вопросовъ наказанія и проч., и проч. т. п.

А потому, вовсе не думая ни разрѣшать, ни даже ставить вопросъ о томъ, что изъ двухъ важнѣе, государство или общество, мы думаемъ только, что для насъ самихъ онъ долженъ разрѣшаться въ сторону общества. Съ этой дополнительной и, прямо признаемъ, односторонней позиціи изданія, для насъ важны и насъ интересуютъ гораздо болѣе перемѣны общественныя, чѣмъ законодательныя и государственныя. Законодательная перемѣна хороша только тогда, когда она слѣдуетъ за совершившеюся общественною. Въ противномъ случаѣ она безплодна и несостоятельна. Еще съ 1865 года существуетъ у насъ, на примѣръ, законъ объ извѣстной свободѣ печати съ гарантіями суда и закона. Но послѣдующими такими же законодательными перемѣнами онъ мало по малу измѣненъ такъ, что въ настоящую минуту отъ него остается одна перемѣна предварительной цензуры на послѣдовательную. И такъ законъ былъ, какъ оказывается, преждевременнымъ; законодательная перемѣна предупредила общественную въ умахъ и правахъ, а потому и осталась мертвою буквою. Наоборотъ, когда имѣется налицо эта перемѣна общественная, тогда она нерѣдко продолжаетъ дѣйствовать и помимо облаченія или необлаченія ея въ формы

закона. Закона о возвышеніи буржуазіи въ уровень съ аристократіей никогда у насъ не выходило; не издавалось также никакого распоряженія о соответственномъ перемѣщеніи собственности; но фактъ дѣйствуетъ такъ, какъ будто бы подобныя законы не только существовали, но даже не могли быть взяты назадъ. Словомъ, изученіе и критика самаго общества, изученіе перемѣнъ и движеній общественныхъ, составляетъ, для всякаго органа провинцій, *conditio sine qua non*.

С.

ВѢСТИ СЪ ВОСТОКА.

Парламентъ, какъ извѣстно, уничтожилъ въ Индіи ввозную пошлину на бумажныя ткани. Майоръ Бэррингъ, индійскій министръ финансовъ, заявилъ недавно въ совѣтъ вице-короля, что нѣтъ никакихъ основаній отказывать Индіи въ благахъ свободной торговли. Въ Индіи на это мѣропріятіе многіе весьма сильно сѣтуютъ. Пошлина была уничтожена, какъ протекціонная; исторія этой покровительственной пошлины не лишена интереса и поучительности.

Было время, когда только въ одной Индіи изготовлялись бумажныя ткани; о нихъ упоминается въ самый ранній періодъ индійской исторіи. Уже въ пѣсняхъ Ведъ прославляются ткачи и ткацкое искусство. Греки, побывавшіе въ Индіи вмѣстѣ съ македонскимъ завоевателемъ, не безъ нѣкотораго изумленія повѣдали міру, что индійцы одѣваются въ ткани изъ шерсти, растущей на деревьяхъ. Множество извѣстій и анекдотовъ свидѣтельствуютъ о томъ, до какого совершенства была доведена эта отрасль индустріи въ Индіи. Рассказываютъ, что разъ Великій Аурузебъ стыдилъ свою дочь за ея нескромность; онъ упрекалъ ее за то, что она носитъ слишкомъ прозрачныя платья и какъ-бы выставляетъ на показъ свою кожу; застыдившаяся дѣвушка отвѣчала, что на ней семь паръ покрововъ. Бенгальскіе муслины были извѣстны по всей Европѣ и дорого цѣнились. Въ Даккѣ изготовлялась особая ткань, подъ названіемъ: «вечерняя роса»; разостланная по травѣ, она ничѣмъ не отличалась отъ росы; и то это еще не былъ высшій сортъ. Болѣе тонкіе сорта носили поэтическія наименованія: «текуція воды», «сотканый воздухъ». Въ другихъ мѣстахъ Индіи, кромѣ Дакки, также изготовлялись муслины. Въ Даккѣ, вслѣдствіе климатическихъ условій сырости и благодаря особливому искусству жителей, ткацкое искусство получило особое развитіе.

Муслины и калико, сотканныя искусными руками индійцевъ, по своей добротѣ, легкости и красотѣ были гораздо выше тканей машиннаго производства; но ручная работа кропотлива и дорога, а потому, весьма естественно, домашняя индустрія индійца не могла бороться съ паровой силою.

Когда индійскія бумажныя и шелковыя ткани продавались съ выгодой на англійскомъ рынкѣ, на 50—60%о дешевле туземныхъ, тогда англичане находили необходимымъ защищать свои производства покровительственною пошлиною, въ размѣрѣ отъ 10 до 80%о стоимости ввознаго товара. Благодаря этой запретительной пошлинѣ, манчестерскія прядильни не погибли въ своемъ младенчествѣ; не будь ея, быть можетъ и паровая сила не вызвала бы ихъ къ жизни. Манчестерскія прядильни зажили и стали процвѣтать въ то время, когда въ Индіи стала исчезать одна изъ древнѣйшихъ мѣстныхъ индустрій. Англія поступила въ отношеніи Индіи точно также, какъ она дѣйствовала въ Ирландіи по вопросу объ ирландскихъ шерстяныхъ произведеніяхъ; тѣхъ же коммерче-

скихъ принциповъ она держалась въ Шотландіи и въ Америкѣ. Смыслъ этой колониальной политики весьма простъ: торговые интересы колоніи должны быть вполне подчинены таковымъ же интересамъ метрополіи. Запретительныхъ мѣръ противъ англійскихъ товаровъ Индія, конечно, не могла вводить у себя дома, и не могла также ввозить своихъ товаровъ въ Англію, а между тѣмъ, англійскія мануфактурныя произведенія навязывались ей и наконецъ, во имя общечеловѣческихъ благъ и научныхъ принциповъ, былъ нанесенъ смертельный ударъ древнѣйшей и одной изъ лучшихъ индустрій страны.

Индія стала однимъ изъ прибыльнѣйшихъ рынковъ для англійскихъ бумажныхъ товаровъ; англійскія мануфактуры зацвѣли. Но алчность овладѣла помыслами преуспѣвавшихъ производителей; въ Индію стали доставляться товары самаго дурнаго качества, гнилые и линючіе, и вслѣдъ затѣмъ возникъ спросъ на товары мѣстнаго производства. Нѣсколько предприимчивыхъ индійцевъ выписали машины изъ Англій, и, начиная съ 1863 г., въ Индіи стали возникать свои прядильни; мѣстная мануфактура развилась очень быстро; произведенія невысокихъ цѣнъ вытѣснили совершенно англійскіе товары. Индія выиграла вдвойнѣ: она избавилась отъ расходовъ по перевозкѣ своего сырья въ Англію и перестала платить за продуктъ своей страны въ мануфактурномъ видѣ. Серьезная опасность стала грозить англійскимъ мануфактурамъ. Производители, которымъ уже чудилось полное разореніе, подняли громкій крикъ и, само собою разумѣется, были выдвинуты научный принципъ свободной торговли. Покровительственная пошлина должна была уничтожиться; интересы Англій этого требовали, и англійскій парламентъ не задумался передъ этимъ мѣропріятіемъ. Уничтожена пошлина, научившая индійцевъ прядь и ткать машинами, способствовавшая обогащенію страны. Туземцы, само собою разумѣется, были противъ этого мѣропріятія; они говорятъ: «зачѣмъ же въ Англій держалась протекціонная пошлина до тѣхъ поръ, пока она была выгодна Манчестеру? Развѣ не покровительственная пошлина способствовала развитію прядильнъ въ Англій? а насъ, кромѣ того, уничтоженная пошлина избавляла отъ многихъ, ненавистныхъ намъ налоговъ».

Англія, прилагая такимъ образомъ къ Индіи научные принципы свободной торговли, сохранила, однакожъ, у себя дома тяжелыя пошлины на чай и кофе, т.-е. на одни изъ важнѣйшихъ произведеній Индіи и не задумалась обложить такими же пошлинами, въ угоду немногимъ домашнимъ производителямъ, серебряныя, высокохудожественныя издѣлія Кашмира, Лакнау, Кача.

— Китайскія газеты сообщаютъ, что почти всѣ подписныя деньги на Ниппонекую желѣзно-дорожную компанію уже собраны, и вскорѣ будетъ начата постройка линіи между Токіо и Такасаки.

— North-China Herald сообщаетъ, что на Сахалинѣ прошлой весной свирѣпствовалъ страшный тифъ, унесшій около тысячи дѣтей. Въ послѣднее же лѣто появлялась другая эпидемія, состоящая въ зараженіи крови и воспаленіи языка, отчего госпитали снова были полны. Доктора приписывали происхожденіе этой болѣзни недостатку растительной пищи.

— Nichi-Nichi Shimbuи передаетъ слухъ о проектѣ учрежденія общества для усовершенствованія зоологическихъ и ботаническихъ наукъ, къ которому должны присоединиться профессора Токіоскаго университета.

— Та же газета говоритъ, что въ Кіото очень много людей радикальныхъ взглядовъ и выражаетъ опасеніе, чтобы они не обратили остальное населеніе. Высшіе сановники очень встревожены

тѣмъ, что такъ распространенъ между населеніемъ оппозиціонный духъ противъ настоящей системы управленія и что отовсюду слышатся заявленія недовольства. Они измышляютъ лучшій планъ для всеобщаго успокоенія и высказываютъ, что не пожалѣли бы никакой суммы для усмиренія «безпокойнаго народа».

— «Новое Время» передаетъ, между прочимъ, что переселеніе въ Америку усиливается въ ужасающемъ размѣрѣ. 18 (30) апрѣля 5,000 чел. высадились въ нью-іоркской пристани Касель-Гарденъ, на слѣдующій день еще 4,100. Всѣ получили занятія, въ особенности сильно требованіе на рабочія руки на фермахъ и на домашнюю прислугу. Ирландскія дѣвушки безъ рекомендаціи занимаютъ мѣста отъ 10 до 16 долларовъ въ мѣсяцъ. Ремесленники въ большомъ спросѣ.

— Изъ Вашингтона отъ 24-го апрѣля получена Междунар. Телегр. Агентствомъ слѣдующая телеграмма: «Мельвиль, инженеръ съ «Жанеты», дешешею на имя морскаго министра, отъ 24-го марта, съ устья Лены извѣщаетъ, что онъ нашелъ трупы капитана Делонга и его товарищей. Мельвиль, однако, продолжаетъ поиски, надѣясь найти лейтенанта Чина и другихъ пассажировъ второй шлюпки».

— Въ «Правительственный Вѣстникъ» пишутъ съ границы Семипалатинской области: По свѣдѣніямъ изъ Шихо, китайцы начинаютъ уже готовиться съ первою весною идти въ Кульджу. Одинъ изъ комиссаровъ уже отправился туда съ конвоемъ 250 человѣкъ, а 15-го февраля предполагали двинуться и другіе китайцы; затѣмъ ожидается съ большимъ войскомъ другой комиссаръ, назначенный изъ Пекина.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ СООБЩЕНІЯ.

Генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, генералъ-лейтенантомъ Анучинымъ, получены телеграммы отъ военнаго губернатора города Иркутска, слѣдующаго содержанія:

Отъ 23-го апрѣля. «Якутскій губернаторъ отъ 25-го марта сообщаетъ, что 21-го февраля прибылъ изъ Нижне-Колымска и Средне-Колымска американецъ Гильдеръ и корреспондентъ газеты „Нью-Йоркъ Геральдъ“, находившійся на „Роджерсѣ“, уничтоженномъ вспыхнувшимъ отъ неосторожности пожаромъ около мыса Сердце-Камень. Весь экипажъ спасенъ; проживаютъ у чукчей; въ провизіи не нуждаются. Гильдеръ отправленъ лейтенантомъ Берри отыскать пунктъ, откуда можно послать въ Америку депешу о высылкѣ судна за экипажемъ „Роджерса“; въ Нижне-Колымскѣ прибылъ на собственныхъ собакахъ, съ нанятымъ въ Петровавловскѣ крестьяниномъ Татариновымъ, который возвратился къ Берри на нихъ же. Въ концѣ февраля въ Нижне-Колымскѣ долженъ прибыть лейтенантъ Гонтъ, посланный Берри для закупки табаку, ножей и ситцу, для обмѣна съ чукчами на оленей, которыхъ за деньги не уступаютъ. Колымскій исправникъ лично отправился въ Нижне-Колымскѣ для оказанія содѣйствія Гонту. Гильдеръ направился изъ Верхоянска на устье Лены къ Мельвилю, находящемуся выиѣ на Жиганскомъ улусѣ, Верхоянскаго округа. Колымскому исправнику предложено принять дѣйствительныя мѣры чрезъ чукотскихъ старшинъ для оказанія содѣйствія экипажу „Роджерса“.

Отъ 24-го апрѣля. «Якутскій губернаторъ эстафетой сообщаетъ: „Изъ письма Мельвиля изъ Ленскаго архипелага, отъ 12-го марта, видно, что Мельвилемъ найдены трупы: Делонга, доктора Эмлера и матроса Самса. Въ памятной квижкѣ, найденной у Делонга, значится, что до 18-го октябля умерли: Иверсонъ, Дреслеръ, Бонтъ и Гротсъ, а Кольменсъ умираетъ. Мельвиль съ экспедиціею здоровъ; продолжаютъ розыски остальныхъ, бывшихъ съ Делонгомъ, и лейтенанта Чина съ матросами“.

Телеграмма російскаго Императорскаго комиссара въ Кульдѣ, статскаго совѣтника Шишмарева, отъ 21-го апрѣля 1882 года:

„Съ прибытіемъ сюда Дзянь-Дзюня-Дзиня со всею главнымъ илійскимъ управленіемъ войсками, и со вступленіемъ въ управленіе—власть китайская въ Илійскомъ Краѣ окончательно возстановлена, при полномъ спокойствіи. Консульство поставлено въ отношенія удовлетворительныя; остается лишь разрѣшить на этихъ же дняхъ переговорами съ Дзянь-Дзюнемъ нѣкоторые вопросы“.

— Телеграмма исправляющаго должность туркестанскаго генералъ-губернатора, генер.-лейт. Колпаковского, отъ 21-го апрѣля 1882 г.

„Военный губернаторъ Семирѣченской Области, осмотрѣвъ лично переселившихся изъ Кульджи, доносить, что они устроятся хорошо, большинство произвело уже изрядные посѣвы; въ недѣлю проведено восемь верстъ магистральнаго оросительнаго канала, еще десять верстъ—и необходимѣйшіе посѣвы обеспечены; въ настоящее время выселившихся насчитывается до пяти тысячъ дворовъ; движеніе продолжается въ значительныхъ размѣрахъ“.

— Движеніе по государственной службѣ: Произведенъ: состоящій по сибирскому казачьему войску генералъ-майоръ Казачининъ (Михаилъ)—въ генералъ-лейтенанты, съ увольненіемъ, за болѣзнь, отъ службы, съ мундиромъ и съ пенсіею полного оклада.

Х МОНГОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

О монгольской исторической литературѣ по памятникамъ, хранящимся въ Императорскомъ Сиб. Университетѣ.

Докладъ въ Филологическомъ Общ. при Сиб. Унив. 16 апр. 1882 г.

Предположивъ сообщить о монгольской исторической литературѣ по памятникамъ, хранящимся въ библіотекѣ Сиб. университета, я долженъ прежде всего предупредить свою рѣчь замѣчаніемъ, что говорить о монгольской исторической литературѣ по рукописямъ, имѣющимся въ нашемъ университетѣ, значитъ говорить обо всей извѣстной намъ исторической литературѣ монголовъ; потому что ни одно изъ книгохранилищъ не только въ Россіи, но и во всей Западной Европѣ, не имѣетъ у себя такого количества этихъ памятниковъ, какимъ обладаетъ петербургскій университетъ. Правда, многіе изъ музеевъ и библіотекъ западной Европы хранятъ у себя драгоценныя документы, относящіяся до исторіи монголовъ, таковы письма монгольскихъ хановъ, ихъ грамоты, ярлыки и проч., но понятно, что все эти остатки старины могутъ содѣйствовать къ уясненію только отдѣльныхъ частныхъ вопросовъ, полныхъ же историческихъ сочиненій, или лѣтописей монголовъ не только нѣтъ въ Европѣ, но, основываясь на сочиненіяхъ европейскихъ ориенталистовъ, по крайней мѣрѣ до сей минуты, можно утверждать, что имъ ничего неизвѣстно по этой части, кромѣ двухъ, изданныхъ у насъ же въ Россіи монгольскихъ лѣтописей—Сананъ-Сэуэна и Алтанъ-тобчи. Первое изъ этихъ сочиненій было обработано академикомъ Шмидтомъ и еще въ 1829 году напечатано имъ въ текстѣ и переводѣ подъ заглавіемъ «Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses», и второе помѣщено во второмъ томѣ трудовъ Восточнаго отд. археологическаго общества въ изданіи ламы Галсана Гомбоева. Вотъ два памятника монгольской исторической литературы, которые были извѣстны намъ до сего времени и по которымъ составилось какъ у насъ, такъ и въ Европѣ, весьма невыгодное понятіе объ исторической литературѣ монголовъ вообще. Понятіе это составилось конечно не безосновательно. Въ самомъ дѣлѣ, просматривая объ упомянутыя лѣтописи, ученые не только не находили въ нихъ объясненія всемірно-историческихъ событій монгольской эпохи, но даже простаго перечня исторіи самихъ монголовъ. «Прочитавши эти творенія степныхъ авторовъ, говорилъ покойный Савельевъ, можно и не догадаться, что народъ, о которомъ они ведутъ рѣчь, завоевалъ полсвѣта, привелъ въ ужасъ Европу и основалъ династіи, прославившія имя монголовъ. Пропитанные духомъ буддйскаго аскетизма, не только безвѣстный ав-

торъ Алтанъ-тобчи, но даже и Сананъ-Сэуэнь, бывший ханомъ одного изъ монгольскихъ поколѣній въ Ордосѣ и слѣдовательно человекомъ свѣтскимъ, совершенно не обращаютъ вниманія на военные подвиги своихъ предковъ въ западныхъ странахъ; по ихъ лѣтописямъ, монголы какъ будто никогда и не выходили изъ родныхъ степей, никогда не вступали въ связь съ посторонними имъ народами. Какъ о колыбели своей религіи, лѣтописцы эти упоминаютъ объ Индіи и Тибетѣ, да извѣстенъ имъ пожалуй еще родственныи съ Монголіею Китай; но о послѣднемъ опять-таки заключается въ нихъ извѣстій ничуть не больше, какъ голословное изложеніе фактовъ, что монгольскій Хубилай-ханъ сѣлъ на китайскій престолъ, а Тоганъ Тэмуръ былъ изгнанъ изъ Китая. Все вниманіе этихъ лѣтописцевъ такимъ образомъ поглощено изложеніемъ внутренней жизни монголовъ; но и съ этой стороны они опять-таки своеобразны: они занимаются здѣсь только изложеніемъ благочестивыхъ подвиговъ монгольскихъ хановъ на поприщѣ искорененія грѣха и усмиренія злыхъ существъ; упоминаютъ они и ведутъ подъ часъ подробные рассказы о междоусобныхъ войнахъ монгольскихъ племенъ; но даже и эти послѣдніе рассказы лишены всякаго историческаго значенія, потому что ничего не находится въ нихъ, кромѣ легендарныхъ сказаній о разныхъ чудесахъ, да превращеніяхъ полководцевъ, то въ льва, то въ дракона, съ цѣлью напугать своихъ враговъ».

Таково содержаніе бывшихъ намъ извѣстными до сего времени монгольскихъ лѣтописей. Это сборники легендъ, которые могутъ служить прекраснымъ матеріаломъ для изученія вѣрованій и суевѣрій народа, но которые не даютъ намъ почти ничего для познанія дѣйствительной жизни монголовъ. Сообразно этому своему характеру—сборниковъ легендарныхъ сказаній, упомянутыя монгольскія лѣтописи представляютъ въ своемъ текстѣ множество отдѣльныхъ народныхъ эпическихъ рассказовъ, изложенныхъ притомъ въ стихотворной формѣ. Особенность эта не была замѣчена Шмидтомъ, издателемъ лѣтописи Сананъ-Сэуэна и стихотворную рѣчь монгольскихъ лѣтописей впервые открылъ намъ Габеленцъ, возвѣстивъ объ этомъ въ своей статьѣ «Einiges über mongolische Poesie», помѣщенной имъ въ журналѣ «Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes». Изслѣдованія Габеленца по этой части впрочемъ также неполны и если къ тексту монгольскихъ лѣтописей приложить все замѣченные мною законы монгольскаго стихосложенія*), то оказывается, что въ монгольскихъ лѣтописяхъ почти каждый герой говоритъ непременно стихами. Такимъ образомъ для насъ дѣлается несомнѣннымъ фактъ, что монголы смотрѣли на творенія своего народа глазами русскихъ, давно уже портыившихъ что «пѣсня—быль»; оттого и монгольскіе лѣтописцы пользовались пѣснями и легендами какъ достовѣрнымъ и не подлежащимъ никакому сомнѣнію матеріаломъ для бытописанія. Что касается въ частности лѣтописей Сананъ-Сэуэна и Алтанъ-тобчи, то они даже утратили этотъ взглядъ, и въ текстѣ ихъ дѣйствительно почти ничего и не находится, кромѣ легендъ, да пѣсенъ. Вотъ почему, и пожалуй весьма основательно, вслѣдъ за появленіемъ въ свѣтъ шмидтовскаго изданія Сананъ-Сэуэна, Клапротъ, не придавая никакого историческаго значенія этому сочиненію, назвалъ его «буддйскими бреднями праздныхъ монголовъ»; а когда потомъ было обнародовано «Алтанъ-тобчи», то въ европейскомъ ученномъ мірѣ составилось общее понятіе, будто монгольскія лѣтописи вообще такъ безсодержательны для исторіи, что изъ нихъ ничего другаго почти нельзя и заимствовать, кромѣ собственныхъ именъ. Въ послѣдній

*) Образцы народной литературы монгольскихъ племенъ. Вып. I.

разъ подобнаго рода приговоръ надъ монгольской исторіографіею произнесенъ, сколько помнится, лѣтъ двадцать тому назадъ нашимъ проф. Васильевымъ. «Болѣе близкое знакомство съ монгольскимъ образованіемъ, говоритъ онъ, скоро должно разочаровать всякаго въ надеждахъ, что вслѣдъ за пріобрѣтеніемъ Сананъ-Сэуэна и Алтанъ-тобчи послѣдуетъ рядъ новыхъ и еще болѣе интересныхъ открытій. Дождитесь отъ монголовъ историческихъ матеріаловъ, значить вовсе не знать исторіи и духа страны; и въ настоящее время буддизмъ уже до такой степени овладѣлъ монголами, что они за грѣхъ даже почитаютъ вспоминать о временахъ браней Чингисхановыхъ *)». Мы никогда не подумаемъ, конечно, возражать нашему уважаемому наставнику противъ того, что буддизмъ дѣйствительно заѣлъ монголовъ и своимъ чудовищнымъ развитіемъ убиваетъ ихъ нравственное и физическое существованіе; но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы отъ монголовъ мы вовсе не могли ожидать *никакихъ* историческихъ сказаній и чтобы въ средѣ ихъ, въ каждое данное время, не находилось хотя бы то нѣсколько отдѣльных, *единичныхъ* личностей, интересующихся дѣйствительными событіями жизни своей страны и признающихъ пользу отъ разъясненія и знанія этихъ событий; если же есть у нихъ такіе люди, то несомнѣнно должна быть у нихъ и исторія. Такъ думалъ я всегда, и мое заключеніе не обмануло меня. Въ періодъ пребыванія моего въ степяхъ монгольскихъ мнѣ удалось найти въ рукописяхъ 8 большихъ монгольскихъ лѣтописей, излагающихъ исторію всей страны и до 25 историческихъ рукописей, заключающихъ въ себѣ то историческія свѣдѣнія объ отдѣльныхъ городахъ, мѣстностяхъ, монастыряхъ, то біографіи разныхъ монгольскихъ князей, жизнеописанія хутухтъ, или духовныхъ владыкъ монголовъ, замѣчательныхъ ламъ, или монаховъ и проч., и нужно сказать, что характеръ этихъ произведеній почти діаметрально противоположенъ тому взгляду, который существуетъ у насъ на историческія произведенія монголовъ. Конечно, такія сочиненія, какъ жизнеописанія хутухтъ, или святыхъ архипастырей буддійской церкви въ Монголіи, должны провѣряться строгою критикою для того, чтобы составить на основаніи ихъ настоящую исторію, — чудесъ въ нихъ рассказывается пожалуй ничуть не меньше, чѣмъ Сананъ-Сэуэнъ рассказываетъ о Чингисханѣ; но вѣдь это общая слабость монаховъ, когда они говорятъ о жизни святыхъ своей церкви и, притомъ, это вѣдь одинъ только родъ историческихъ сочиненій, между тѣмъ, какъ остается еще много другихъ, которымъ мы можемъ довѣряться почти безусловно.

Посмотримъ теперь, что же содержатъ въ себѣ эти лѣтописи и насколько справедливъ оказывается нашъ прежній взглядъ на монгольскую исторіографію? Клапротъ и Савельевъ, какъ мы уже видѣли, а впоследствии вслѣдъ за ними и Ханьковъ, говоря о монгольскихъ лѣтописяхъ, ставили имъ въ упрекъ ихъ малосодержательность вообще, находя ее прежде всего въ томъ, что эти лѣтописи не сообщаютъ намъ никакихъ свѣдѣній о дѣяніяхъ монголовъ на западѣ; въ отношеніи же къ извѣстіямъ о внутренней жизни монголовъ они порѣшили, что монгольскія лѣтописи не заслуживаютъ никакого довѣрія, ибо тѣ незначительныя повѣствованія о фактахъ изъ жизни монголовъ, которыя онѣ содержатъ въ себѣ, извращены въ нихъ подъ вліяніемъ буддійскаго духа ихъ рассказчиковъ **). Эти мнѣнія, выразившіяся сначала по поводу двухъ только монгольскихъ лѣтописей, возведены были потомъ въ понятіе о монгольскихъ лѣтописяхъ вообще. Но вотъ с.-петербургскій универс-

тетъ обладаетъ теперь вѣроятно древнѣйшею изъ монгольскихъ лѣтописей, — извѣстною подъ китайскимъ заглавіемъ «Юань-чао-ми-ши», которая поистинѣ представляетъ собою документъ самой высокой важности, какъ въ историческомъ, такъ и въ литературномъ отношеніи. Самый текстъ ея гласитъ, что она составлена въ 1240 году, т. е. написаніе ея относится къ тому времени, когда монголы не имѣли у себя еще и собственнаго алфавита и слѣдовательно могли писать только или уйгурскимъ письмомъ, или китайскимъ. Юань-чао-ми-ши является написаннымъ этимъ послѣднимъ способомъ: китайскіе іероглифы приняты въ немъ какъ то-ническіе знаки для выраженія отдѣльныхъ слоговъ, и такимъ образомъ ими изображается монгольская рѣчь. Это первый образецъ монгольскаго письма китайскими іероглифами. Мы знали, что монголы писали алфавитомъ ургуйскимъ, тибетскимъ, впоследствии передѣлали этотъ послѣдній въ особый родъ своего «квадратнаго» письма, но какимъ образомъ монгольская рѣчь изображалась китайскими іероглифами, этого мы никогда еще не видали, хотя на фактъ этотъ и находили короткія и голословныя указанія въ изслѣдованіяхъ Абель-Ремюзы *). Понятно теперь, какую важность имѣетъ этотъ памятникъ въ литературномъ отношеніи. Я не буду здѣсь распространяться и объ его громадномъ значеніи для филологіи и перейду прямо къ его содержанію. Содержаніе Юань-чао-ми-ши въ настоящее время до нѣкоторой степени уже извѣстно европейскому міру въ переводѣ этого сочиненія съ китайскаго на русскій языкъ, изданномъ въ 1866 г. бывшимъ настоятелемъ нашей духовной миссіи въ Пекинѣ, о. Палладіемъ. Необходимо, однако, замѣтить, что китайскій текстъ этого сочиненія, съ котораго составлялъ свой переводъ о. Палладій, въ свою очередь былъ переводомъ съ разсматриваемаго нами текста монгольскаго и притомъ переводомъ, страдающимъ многочисленными ошибками и еще болѣе большими пропусками. Такимъ образомъ монгольскій оригиналъ Юань-чао-ми-ши не только не утратилъ для насъ своей важности съ переводомъ китайцевъ и о. Палладія, но пріобрѣтаетъ при этомъ еще большее значеніе. Время, которое разсматриваетъ эта лѣтопись, есть періодъ Чингиса и его перваго преемника, Угэдэя. Оба эти великіе монгольскіе завоеватели опустошили на своемъ вѣку столько различныхъ странъ, что для нихъ нѣтъ, и не можетъ быть недостатка въ историкахъ. Писатели китайскіе, мусульманскіе, арабскіе, говорятъ о нихъ съ большою подробностію и своими рассказами пополюютъ одинъ другаго; но все эти свидѣтели и рассказчики нашествій Чингиса ничего почти не знаютъ про его молодость. Этотъ-то недостатокъ и восполняетъ прежде всего Юань-чао-ми-ши своимъ обиліемъ извѣстій, относящихся къ исторіи Чингисъ-хана въ самой Монголіи. Въ рассказахъ его нѣтъ ничего чудеснаго; нѣтъ и іоты подобія тѣмъ фантастичнымъ буддійскимъ легендамъ о Чингисѣ, которыя мы находимъ въ произведеніи Сананъ-Сэуэна, или у автора Алтанъ-тобчи. Для составителя Юань-чао одна только кочевая и пастушеская жизнь составляетъ всю прелесть: и если онъ упоминаетъ о высокихъ подвигахъ Чингиса въ родныхъ его пастбищахъ, то это, повидимому, только для того, чтобы показать, насколько остался онъ вѣренъ привычкамъ своей молодости, а не для того, чтобы прибавить ему славы: — въ глазахъ автора, эта слава достигла своего апогея въ тотъ день, когда, побѣдивъ все монгольскія племена, Чингисъ поставилъ передъ своей палаткой знамя, украшенное девятью бѣлыми лошадиными хвостами. Остатки жизни этого великаго завоевателя, въ глазахъ его историка, не имѣли ничего, чтобы прибавить къ его

*) «Русскій Вѣстникъ» 1851 г. Записки о восточныхъ кнѣгахъ, проф. Васильева.

***) Journal Asiatique. T. XIII, p. 71.

*) Abel-Remuzat.—Recherches sur les langues tartares.

славѣ, равно какъ и ханствованіе Угэдэя стоитъ, по его понятіямъ, далеко ниже Чингисова. За всёмъ тѣмъ, авторъ Юань-чао рассказываетъ, и даже съ нѣкоторыми подробностями, о походахъ монголовъ на Китай, Маньчжурію и Корею; въ западныхъ странахъ: на Мервъ, на Индію, въ мѣста по Сыру и Аму-Дарьѣ, на города: Ургэнчонъ, Отраръ, Багдадъ, на кипчаковъ, русскихъ, мадьяровъ, болгаръ, черкесовъ и пр. Такимъ образомъ, съ открытіемъ Юань-чао, самъ собою падаетъ нашъ взглядъ, что монгольскія лѣтописи ничего не знаютъ о походахъ монголовъ на западъ, а изложеніе этого лѣтописнаго сказанія свидѣтельствуетъ намъ также точно и о томъ, что не всё историческія творенія монголовъ проникнуты тѣмъ ультра-буддѣйскимъ духомъ ихъ авторовъ, съ которымъ встрѣчаемся мы въ лѣтописяхъ Саванъ-Сэуэна и Алтанъ-тобчи.

Намъ могутъ конечно возразить, что это исключительный и, пожалуй, такой же единичный примѣръ, какъ и самая эта лѣтопись, что невозможно опровергать буддѣйскаго направленія исторической литературы монголовъ тѣми монгольскими произведеніями, которыя появились еще до времени знакомства монголовъ съ буддизмомъ и что современные монголы можетъ быть забыли и совершенно не помнятъ о дѣяніяхъ своихъ предковъ на западѣ, также точно, какъ забыли и не могутъ они читать теперь и самаго текста Юань-чао-ми-ши, написаннаго китайскими іероглифами. Въ отвѣтъ на это возраженіе мы можемъ представить другую монгольскую лѣтопись, извѣстную подъ именемъ «Эрдэнийнъ-эрихэ» и имѣющуюся въ библіотекѣ нашего университета въ двухъ изданіяхъ. Оба эти изданія раздѣляются на 47 главъ, изъ которыхъ начальныя 40 рассматриваютъ исторію Чингиса и его потомковъ, владѣвшихъ какъ собственно Монголіею, такъ и въ различныхъ областяхъ и государствахъ къ востоку, западу, сѣверу и югу отъ этой страны. Изложеніе событій здѣсь конечно не такъ полно, какъ находимъ мы ихъ описанными, напр., у мусульманскихъ историковъ; о многихъ странахъ существуетъ даже одно только упоминаніе; но нельзя забывать при этомъ того, что мусульманскіе писатели излагали спеціально исторію своей страны, монгольскій же компиляторъ составлялъ хронику не одного народа и не одной династїи, а всѣхъ, которые были ему извѣстны, и которые почиталъ онъ важнѣйшими. Но особенный интересъ эрдэнийнъ-эрихэ представляетъ намъ своими послѣдними семью главами, въ которыхъ излагаетъ она исторію Халхи съ 1635 года, почти до нашихъ дней, то-есть по 1849 годъ включительно. Это тотъ періодъ, когда въ судьбѣ монголовъ произошелъ совершенный переворотъ, когда съ особенною силою развился у нихъ буддизмъ и когда сами они изъ господъ превратились въ жалкихъ рабовъ, потерявъ свою политическую независимость и поднавши подъ власть маньчжуро-китайцевъ. Собственно говоря, за все это время вся жизнь монголовъ группируется около и служитъ разъясненіемъ этихъ двухъ колоссальныхъ событій; но они такъ измѣнили характеръ монголовъ, что въ настоящее время мы не можемъ и узнавать въ этихъ кочевникахъ тѣхъ наивныхъ номадовъ, которыхъ рисуетъ намъ Юань-чао-ми-ши и тѣхъ свирѣпыхъ соратниковъ войскъ Чингисъ-хановыхъ, съ которыми знакомимся мы въ сказаніяхъ мусульманскихъ писателей. Какимъ образомъ совершилась эта перемѣна?—вотъ вопросъ, на который положительно не могли отвѣчать мы, потому что не имѣли у себя никакого общаго представленія о внутренней жизни монголовъ именно за этотъ періодъ отъ 1635 г., которымъ оканчиваются лѣтописи Саванъ-Сэуэна и Алтанъ-тобчи. Правда, изъ китайскихъ источниковъ мы имѣли понятіе о войнахъ Гаждана и Амурсаны, читали

отрывочныя сказанія о жизни монголовъ въ дневникахъ нашихъ путешественниковъ; но что могли дать эти частности для яснаго представленія цѣльной исторіи народа? Почти ровно ничего, и монголы дѣйствительно за послѣднія 250 лѣтъ представляли для насъ почти положительную terra incognita. Эрдэнийнъ-эрихэ блестящимъ образомъ восполняетъ этотъ недостатокъ. Лѣтописецъ ведетъ свой рассказъ изъ года въ годъ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ и иногда изъ дня въ день: онъ какъ будто сидитъ въ какомъ-то государственномъ архивѣ и излагаетъ передъ нами перечень и обстоятельство событій по официальнымъ докладамъ, резолюціямъ, манифестамъ, выписывая подлинный текстъ ихъ почти дословно; мало того, въ поясненіе такихъ описаній онъ представляетъ частную переписку официальныхъ и правительственныхъ лицъ Монголіи, и такимъ образомъ открываетъ намъ не только тѣ факты, которые дѣйствительно были, излагаетъ не только тѣ постановленія, которыя дѣйствительно состоялись, но и все то, что могло быть, всё тѣ частныя мнѣнія и предположенія, которыя существовали въ Халхѣ по извѣстному вопросу. Понятенъ отсюда самый характеръ лѣтописи: это сборникъ официальныхъ и полуофициальныхъ документовъ для исторіи монголовъ, которые собиратель, съ цѣлью представить полную исторію монголовъ, группируетъ въ хронологическомъ порядкѣ и иногда для большей удобопонятности дѣла сопровождаетъ своими, весьма краткими, поясненіями, но въ большинствѣ случаевъ оставляетъ безъ всякихъ комментаріевъ, ибо связь событій при полнотѣ сборника видна сама собою. Нужно ли говорить при этомъ, что такого рода лѣтописямъ монголовъ, несмотря даже на развитіе въ странѣ ихъ буддизма, также точно чуждо буддѣйское направленіе ихъ авторовъ, или лучше сказать компиляторовъ, какъ и древнему памятнику Юань-чао?

А. Поаднѣвъ.

(Окончаніе будетъ).

НЕ СИБИРСКАЯ И СИБИРСКАЯ ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ.

(Къ мѣстной хроникѣ).

Вопросъ такъ называемой сибирской желѣзной дороги, тянущейся много лѣтъ безъ всякихъ результатовъ, снова выступилъ на арену борьбы. Кончившись, повидимому, торжествомъ южнаго направленія, нижегородско-казанскаго, вопросъ этотъ еще разъ подвергся разбору, при разсмотрѣніи нуждъ сѣверныхъ окраинъ, причемъ воспользовались этимъ случаемъ, какъ сѣверяне, такъ и ирбитяне, потянувъ тюменскую дорогу къ себѣ. Въ то же время появилось нѣсколько газетныхъ статей за то и за другое направленіе и воскресъ старый споръ славянъ между собою. Одинъ изъ сторонниковъ южнаго направленія, подъ именемъ „Сибиряка“, помѣстивъ недавно письмо въ „Новомъ Времени“, отстаивая извѣстное направленіе отъ Артамоновки чрезъ Екатеринбургъ на Березовку, Казань и Нижній Новгородъ. („Нов. Врем.“ № 2,171). Газета „Голось“ не разъ также высказывалась за извѣстное южное направленіе. Но вотъ выступаетъ совершенно новое направленіе, и желѣзнодорожная драма, длившаяся нѣсколько лѣтъ, открываетъ новый актъ борьбы и перипетій. Измѣненіе вопроса явилось неожиданностью для тѣхъ, кто успокоился на завоеванныхъ лаврахъ въ борьбѣ за прежнее направленіе. Газеты передаютъ объ этомъ такимъ образомъ: Въ послѣднемъ докладѣ министра путей сообщенія, внесенномъ въ комитетъ министровъ, направленіе сибирской желѣзной дороги предполагается значительно измѣнить противъ прежняго проекта. Такъ, по сѣвернымъ вновь изысканіямъ оказывается, будто бы, что вмѣсто *Екатеринбурга* выгоднѣе вести линію на *Тюмень* отъ *Нижняго Тагила*; это направленіе дороги представляетъ много техническихъ и торговыхъ преимуществъ и при немъ длина линіи значительно уменьшится и дастъ сбереженія въ расходахъ при сооруженіи. Что же ка-

сается до Высочайше утвержденного въ 1875 году проекта сибирской дороги от Нижняго-Новгорода на Казань, Елабугу, Екатеринбургъ и Тюмень, то министр путей сообщения ходатайствуетъ о пересмотрѣ этого проекта въ виду того: 1) что эта линия должна пройти по такимъ мѣстамъ, которые и безъ того богаты водными путями сообщенія; 2) сооруженіе ея обойдется весьма дорого, такъ какъ путь отъ Нижняго-Новгорода до Казани идетъ по правому нагорному берегу Волги, возвышающемуся до 100 саж. надъ уровнемъ рѣки, гдѣ потребуются гигантскія земляныя работы и сооруженіе дорого стоящихъ мостовъ чрезъ Оку, Суру, Волгу, Каму и Бѣлую. Взамѣнъ этой линии министръ предлагаетъ другую, при которой бы можно было воспользоваться уже выстроеннымъ черезъ Волгу мостомъ на Оренбургской желѣзной дорогѣ, т.-е. начать сооруженіе сибирской дороги отъ одной изъ станцій оренбургской линіи и вести ее на Уфу и Омскъ съ вѣтвями на Златоустовскіе заводы и Троицкъ. Направленіе это, сверхъ сбереженія расходовъ сооруженія, принесетъ еще значительныя экономическія выгоды пересѣкаемымъ этою линіею хлѣбороднымъ мѣстностямъ, нынѣ не имѣющимъ никакихъ путей сообщенія. Такимъ образомъ, настоящее представленіе министра путей сообщенія рекомендуетъ уже третье направленіе сибирской дороги („Нов. Время“, 25 апрѣля).

Намъ кажется, что это не третье направленіе дороги, а чуть-ли не шестое. Предшествовавшія направленія въ послѣднее время сопоставлены слѣдующимъ образомъ:

НАПРАВЛЕНІЯ:	Длина всего пути.	Длина по ваго пути.	Цѣна версты.	Общая стоимость. Рублей.
1) Москва, Нижній, Казань, Екатеринбургъ по лѣвому берегу . .	1.647,5	1.238	49.114	60.803,132
2) Москва, Нижній, Казань, Екатеринбургъ по правому берегу .	1.721,5	1.312	53.939	70.766.968
3) Москва, Старожилово, Алатырь, Тетюши, Екатеринбургъ	1.690	1.581	46.300	73.200,300
4) Москва, Нижній, Казань, Уфа, Екатеринбургъ	1.739	1.330	48.886	65.018.380
5) Москва, Самара, Уфа, Златоустъ, Екатеринбургъ	1.875	870	42.085	36.613,950

Уже по поводу послѣдняго направленія нѣкоторыя газеты выразили свои симпатіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, даже при самомъ бѣгломъ взглядѣ на вышеприведенную таблицу, преимущество послѣдняго пути является очевиднымъ: сравнительная короткость линіи подлежащей постройкѣ (а отсюда и возможность скорого проведенія ея) и половинная стоимость ея сооруженія, сравнительно съ остальными линіями, сразу заставляютъ отдать преимущество, именно, этой линіи. Понятно, что прежде, когда не было еще моста черезъ Волгу, еще могъ существовать вопросъ о преимуществахъ того или другаго направленія,—но такое *капитальное*, въ полномъ смыслѣ слова, явленіе, какъ постройка волжскаго моста, совершенно измѣнило положеніе дѣла—и заставляютъ признать направленіе на Самару стоящимъ внѣ всякой конкуренціи съ другими направленіями.

Вотъ почему, насколько намъ извѣстно, и коммисія графа Баранова склоняется, именно, въ пользу послѣдняго пути, на сторонѣ котораго, можно сказать, всѣ преимущества“. („Новости и Биржевая Газета“, № 48).

Очень можетъ быть, что за новое выступившее направленіе явятся свои сторонники и дѣло опять затянется.

Не входя въ тонкости и закулисныя тайны, которыми объясняется нынѣ измѣненіе направленій, мы, въ качествѣ органа мѣстнаго и восточнаго, позволимъ себѣ высказать свой взглядъ на дѣло. Полагаемъ, что это будетъ тѣмъ болѣе кстати, что до сихъ поръ мнѣніе настоящихъ сибиряковъ еще не появилось, хотя имя сибиряка не разъ фигурировало псевдонимомъ въ столичной печати.

1) Прежде всего позволимъ замѣтить, что то, что принято называть *сибирской желѣзной дорогой* сѣвернаго и южнаго направленія. Это

дорога не сибирская, а нижегородско-казанская, вятско-пермская или иная дорога, въ направленіи которой заинтересованы различныя губерніи Европейской Россіи болѣе, чѣмъ Сибирь, точно также, какъ компаніи, концессионеры, прожектеры и кандидаты-строители этого направленія.

2) Сибиряки, высказываясь за южное или сѣверное направленіе, далеко не дѣйствовали самостоятельно по собственной инициативѣ, но всегда были эксплуатируемы южанами или сѣверянами въ свою пользу. Къ южному направленію на Тюмень приставали тюменцы и къ сѣверному тоболяне, но это не вся Сибирь. Агитація въ пользу этихъ направленій началась съ 60-хъ годовъ. Даже по уѣзднымъ городамъ собирались подписи, адреса составлялись на всѣхъ ярмарочныхъ комитетахъ Ирбита и Нижняго Новгорода; но это не было еще общественное мнѣніе Сибири. Сколько намъ извѣстно, никакихъ разсмотрѣній и сѣздовъ въ Сибири по этому поводу не происходило. Сибирь не имѣетъ никакихъ представительныхъ учреждений въ родѣ земствъ, гдѣ вопросъ этотъ могъ быть разработанъ съ точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ.

3) Сибирской желѣзной дорогой можетъ назваться желѣзная дорога, идущая только черезъ Сибирь, выступивъ въ томъ или другомъ пунктѣ черезъ Уралъ.

Направленіе желѣзной дороги по Сибири гораздо менѣе обращало на себя вниманіе, было менѣе разработано, все вниманіе сосредоточивалось на интересахъ приволжскихъ губерній. Понятно поэтому, что какъ только магистральную линію дороги пришлось перенести за Уралъ и вести по Сибири, такъ прежняя точка зрѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣранѣе проектированныя направленія рухнули. Здѣсь выразилась обыкновенная судьба централистскаго разрѣшенія вопроса, не принявшаго во вниманіе всей совокупности мѣстныхъ нуждъ.

4) Собственно желѣзная дорога по Сибири представляетъ три самостоятельныхъ направленія: 1) *сѣверное* съ Ирбита на Тобольскъ и далѣе на Тару и Томскъ; 2) *среднее центральное*, связывающее главный транзитный путь черезъ Сибирь и водныя сообщенія—дорога на Тюмень; 3) *южное* съ Екатеринбурга на Ишимъ, Омскъ или съ Оренбурга на Уфу, Курганъ и Омскъ. Есть проектъ наконецъ еще болѣе южнаго направленія на Акмола, Иртышъ, сѣвернѣе Семипалатинска; сюда надо присоединить два важныхъ направленія въ Туркестанъ и въ Китай къ Пекину. Мы спросимъ только, разсматривалось ли съ этихъ точекъ зрѣнія нынѣшнее великороссійское направленіе желѣзной дороги? Мы знаемъ, она разсматривалась съ точки зрѣнія ирбитской, елабужской, но никакъ не міровой Европейско-Азіатской!

5) Съ указанной нами точки зрѣнія всѣ побочныя развѣтвленія желѣзной дороги черезъ Уралъ съ направленіемъ на заводы могутъ удовлетворить только частнымъ интересамъ, какъ удовлетворяетъ имъ уральская желѣзная дорога отъ Перми до Екатеринбурга, точно также какъ дорога на Казань или Вятку угодитъ мѣстнымъ провинціальнымъ интересамъ, но нужды и интересы сибирскаго края и азіатскихъ путей останутся въ сторонѣ.

6) Въ данную минуту сибирская желѣзная дорога должна разсматриваться преимущественно въ интересахъ края, принимая во вниманіе главный транзитный путь въ Сибири и въ Азіи, наиболѣе населенныя мѣстности Сибири, наконецъ водныя сообщенія края. Должно замѣтить, что слишкомъ южное направленіе пойдетъ по необитаемымъ степямъ или примкнетъ насъ къ пустынямъ, минуя всю центральную Сибирь, которой преимущественно должны служить пути сообщенія. Далѣе должно помнить, что сибирская желѣзная дорога не будетъ осуществлена сразу, доведенная же до Омска она изолируетъ Сибирь и товарамъ выгоды будетъ идти по прежнему съ Востока чрезъ Томскъ воднымъ путемъ на Тюмень. То же самое будетъ съ крайнимъ сѣвернымъ направленіемъ на Тобольскъ. Въ интересахъ края въ настоящую минуту важнѣе облегченіе внутреннихъ сообщеній и соединеніе главныхъ водныхъ бассейновъ Волжскаго и Обскаго, какъ и Енисейско-Обскаго. Соединеніе этихъ промежуточныхъ будетъ полезнѣе и настоятельнѣе. Съ этой точки зрѣнія и послѣднее направленіе съ Оренбурга на Омскъ также не выдерживаетъ критики. При разсмотрѣніи вопроса о продолженіи дороги внутрь Азіи, туркестанско-китайскія вѣтви не должны вліять на главную сибирскую линію, имѣющую въ виду удовлетворить нуждамъ русскаго края. Наконецъ, сибирская дорога должна разсматриваться не въ видахъ одной вывозной торговли изъ Сибири, но, развитія

внутренней промышленности Сибири и взаимнаго обмѣна восточныхъ областей.

Такова мѣстная точка зрѣнія, съ которой мы можемъ разсматривать настоящую, а не номинальную сибирскую желѣзную дорогу. Высказываясь такимъ образомъ, мы устранимся отъ всякой желѣзнодорожной полемики и удѣляемъ настолько этому вопросу вниманія, насколько онъ не заслоняетъ болѣе важные народныя и гражданскіе вопросы на Востокѣ. Окончательно и болѣе справедливо онъ можетъ быть разрѣшенъ только тогда, когда самой Сибири путемъ общественныхъ учрежденій будетъ дана возможность всесторонне обсудить его и опредѣленно высказаться.

Въ № 2-мъ „Восточнаго Обозрѣнія“ (стр. 10), помѣщена замѣтка о докладѣ г. Ройева въ „Обществѣ Сельскихъ Хозяевъ“. Нынѣ г-нъ Ройевъ проситъ редакцію возстановить смыслъ того, что онъ хотѣлъ выразить въ своемъ докладѣ. Мы охотно даемъ мѣсто этому письму, какъ подтвержденію выраженной у насъ мысли о томъ, что скудость сибирскихъ почвъ далеко еще не доказана.

„По поводу замѣтки „Восточнаго Обозрѣнія“ на мой докладъ, 16 марта, о переселеніи, я просилъ-бы редакцію исправить вкравшуюся въ замѣтку неточность и тѣмъ возстановить въ моей ссылкѣ на докладъ г. Докучаева то значеніе, какое дано въ моемъ докладѣ на самомъ дѣлѣ. Съ Сибирью я знакомъ больше по книгамъ и только отчасти по рассказамъ переселенцевъ и другихъ бывалыхъ тамъ людей. Въ своемъ докладѣ я не говорилъ о скудости сибирскихъ почвъ и о непригодности ихъ для переселенцевъ, въ виду факта издавнаго поселенія ихъ тамъ; я сослался на докладъ г. Докучаева, въ видѣ примѣра, въ подтвержденіе, между прочимъ, того, что Сибирь не только переселяющимся туда крестьянамъ, но и администраціи пока мало извѣстна съ той стороны, чтобы въ дѣйствіяхъ своихъ по регулированію переселенія послѣдняя могла быть практически полезной для переселенцевъ. *Ф. Ройевъ.*“

Въ № 3 мы сообщили извѣстіе объ отставкѣ военнаго губернатора Педашенко, связываемое съ ревизіей г. Галкина-Врасскаго, а въ 4-мъ № обязаны были помѣстить присланное опроверженіе безъ всякихъ объясненій. Въ разъясненіе недоразумѣнія, мы считаемъ долгомъ теперь заявить, что извѣстіе это появилось до выхода № 4-го, еще 13 и 14 апрѣля, въ двухъ петербургскихъ газетахъ, затѣмъ оно фигурировало въ видѣ телеграммы съ мѣста, игнорировать которую, въ интересахъ новостей дня, мы не могли. По собраннымъ нами свѣдѣніямъ нынѣ оказывается, что собственно генералъ Педашенко пользовался въ Восточной Сибири среди жителей самой безукоризненной репутаціей и ни за какія злоупотребленія отвѣтствовать не могъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Изъ Омска (корреспонденція «Восточнаго Обозрѣнія»).

Западно-Сибирскій отдѣлъ Императорскаго Географическаго Общества въ нынѣшнемъ году постановилъ снарядить двѣ экспедиціи: одну въ киргизскую степь, въ окрестности Баянъ-аула, оз. Денгизъ и по лѣвому берегу Иртыша, для геологическихъ наблюденій въ этомъ районѣ степи. Предположено командировать для этого г. Куртукова съ выдачею ему отъ 500 до 600 руб. субсидіи. Кромѣ того предполагается просить г. Адрианова продолжать свои изысканія на средства отдѣла въ Томской губерніи на Алтаѣ. Наконецъ, предполагается предложить г. Григоровскому, въ Нарымѣ, не возьметъ ли онъ на себя трудъ собрать по программѣ отдѣла свѣдѣнія объ остякахъ и самоѣдахъ, на что получить тоже нѣкоторую субсидію.

— *Изъ Кульджи (Корр. «В. О.»).* По полученіи нашими комиссарами отъ главнаго начальника Туркестанскаго края разрѣшенія на

уступку Дзинь-цзянь-цзюню относительно перваго пункта ноты статсъ-секретаря Гирса, касающагося числа войскъ китайскихъ и ихъ расположенія въ Илійской долинѣ, ходъ переговоровъ приобрѣлъ значительный успѣхъ, такъ, что было получено уже согласіе депутата отъ китайскаго правительства чин-сая Шен-тая на принятіе остальныхъ двухъ пунктовъ, о чемъ онъ напишетъ бумагу. Дѣло значительно упростится, если Дзинь задержитъ нѣсколько прибытіе сюда свое собственное и своихъ войскъ; объ этомъ ему писано и, какъ кажется, совѣтъ принять.

Что касается до Шен-тая, то онъ себя чувствуетъ здѣсь пока очень хорошо и представляетъ изъ себя человѣка довольно покладистаго; вся его кажущаяся, на первый взглядъ, несговорчивость объясняется малымъ знакомствомъ съ Дзиномъ, почему онъ не знаетъ, чего и какъ ему держаться, чтобы не очень прогнѣвить своего генералъ-губернатора. Резоны принимаетъ и совѣтовъ нашихъ дипломатовъ слушается; такъ по крайней мѣрѣ онъ ведетъ себя доселѣ. Можно думать, что введеніе фактической китайской власти въ Илійской долинѣ, на практикѣ, почти не измѣнитъ настоящаго положенія нашей администраціи, а также настоящаго положенія здѣсь дѣлъ вообще.

Подготовленіе къ переселенію, частью и самое переселеніе кульджинскихъ выходцевъ, дѣятельно продолжаются. Вереницы обозовъ тянутся въ Дубунъ, Узунъ-Тамъ, Косъ-агачъ и Усекъ. Это со стороны таранчей. Дуигане, вслѣдствіе холодовъ и дальняго пути, трогаются малыми партіями, но завѣряютъ, что съ наступленіемъ теплыхъ дней поднимутся дружно, сразу. Дабы не возвращаться уже въ районъ, когда тамъ будутъ китайскія войска, они, съ разрѣшенія комиссара, генералъ Фриде, устроили въ развалинахъ Тургена, что близъ Борохудзира, хлѣбный магазинъ, куда теперь свозятъ весь хлѣбъ, который не могъ быть ими проданъ, съ тѣмъ, чтобы вывезти его отсюда постепенно, когда освободятся перевозныя средства, на новыя мѣста. Таранчи собираются тронуться отсюда также весной, но при этомъ говорятъ, что бѣднѣйшіе изъ нихъ останутся здѣсь сдѣлать еще посѣвъ и затѣмъ осенью, по сборѣ жатвы, уйдутъ. Выяснить теперь, сколько будетъ такихъ бѣдняковъ, невозможно, такъ какъ волостные въ настоящее время заняты подготовленіемъ къ переселенію и сборомъ податей; сами же таранчи насчитываютъ бѣдняковъ 20%, цифра можетъ быть и преувеличенная. Администрація старается употребить все мѣры, чтобы богатые помогали бѣднымъ. Особенно много помогаетъ переселенцамъ купецъ Ваали-ахунъ, который теперь у китайцевъ persona grata и забираетъ у нихъ все подряды. Кромѣ извѣстнаго подряда на доставку разныхъ продуктовъ, ему поручены теперь поставка клеверу и заготовленіе бѣлья для китайскихъ войскъ; онъ заготовляетъ 30 т. паръ бѣлья, что показываетъ намѣреніе китайцевъ имѣть здѣсь не менѣе 10 т. войскъ, если считать, что каждый солдатъ будетъ имѣть не болѣе трехъ паръ бѣлья. По слухамъ же, китайцы разсчитываютъ держать здѣсь до 40 т. войска.

Въ настоящее время идетъ выдача билетовъ и повѣрка списковъ переселенцамъ, записавшимся въ число желающихъ перейти къ намъ въ прошломъ году; работа еще не кончена. Имѣя въ виду, что какъ бы аккуратно эти списки ни велись, все-таки здѣсь, на мѣстѣ, могутъ вкратъ ошибки, комиссаръ просилъ и. д. семирѣченскаго губернатора командировать особыхъ чиновниковъ на Чарынъ и Или у Борохудзира, для провѣрки цифры переселяющихся и списковъ здѣсь составленныхъ, а также для составленія вѣдомости о числѣ хлѣба, имущества и скота, которое повезутъ выходцы.

Кузнецкъ (Томской губ.) (Корр. В. О.). Увольненія, перемѣщенія и причисленія чиновниковъ *), бывшія по Томской губ. въ 1881 г., коснулись и до нашего округа—вся высшая администрація въ нашемъ округѣ новая. Впрочемъ перемѣнились люди, но не перемѣнились нравы—вотъ одинъ случай, который довольно ясно характеризуетъ наши нравы. Хозяинъ дома, въ которомъ помѣщается кузнецкій клубъ, состоитъ членомъ этого клуба, но однажды, будучи выведенъ изъ клуба за дебошъ, взялъ да и выбилъ окна въ клубѣ, оправдываясь тѣмъ, что домъ его, и онъ можетъ имъ распоряжаться, какъ хочетъ.

Вслѣдствіе нѣсколькихъ случаевъ заболѣваній въ Кузнецкомъ округѣ дифтеритомъ и тифомъ, 7 декабря минувшаго года было засѣданіе кузнецкаго уѣзднаго комитета общественнаго здравія подъ предѣлательствомъ окружнаго исправника, и состоялся протоколъ комитета. Комитетъ этотъ, обсуждая всесторонне всѣ данныя, способствующія развитію какой либо заразной болѣзни, не могъ не согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что дурныя гигиеническія и санитарныя условія особенно скученнаго и бѣднаго населенія служатъ самой лучшей почвой для развитія появившагося или принесеннаго извнѣ яда. Въ виду этого и въ предупрежденіе страшныхъ бѣдствій, могущихъ постигнуть городъ и округъ единственно только вслѣдствіе неопытности его, комитетъ постановилъ исполнить десять пунктовъ, изъ которыхъ дай Богъ выполнить хоть половину.

Насколько помогутъ эти правила для борьбы съ болѣзнями трудно судить тамъ, гдѣ одинъ медикъ на округъ, а теперь населеніе занято покуда вопросомъ объ устройствѣ земской гоньбы по кузнецко-томскому земскому тракту. Въ прежнее время гоньба по этому тракту устраивалась такъ: къ каждому селенію, стоящему на этомъ тракѣ и составляющему ямъ для отбыванія земской гоньбы, приписывалось нѣсколько селеній, жители которыхъ обязаны были выставять лошадей. Одни изъ нихъ выставляли своихъ лошадей, а другіе нанимали за себя; въ нѣкоторыхъ же селеніяхъ иногда нанимаемы были годовые ямщики. Такъ шло дѣло до конца 1881 года и жалобъ ни отъ кого не было; но въ концѣ этого года вздумали въ каждомъ селеніи по кузнецко-земскому тракту, въ которомъ есть ямъ, непременно завести ямщиковъ. Участка два или три согласились завести ихъ, но остальные отказались, такъ какъ ямщики требуютъ съ каждаго участка не менѣе тысячи рублей въ годъ и еще извѣстную часть хлѣба по числу приписанныхъ душъ къ участку. А извѣстно, какъ мужикъ дорожитъ копѣйкой, нажитой потомъ и кровью, да притомъ еще нашъ кузнецкій крестьянинъ не очень зажиточенъ на деньги; это видно изъ того, что по приглашеніи на пожертвованіе во время восточной войны, мужички съ удовольствіемъ жертвовали, но кто холстомъ, кто хлѣбомъ, а деньгами мало. Теперь же, когда заведутся ямщики, и по числу станцій отъ Кузнецка до границы томскаго округа **), которыхъ считается до пятнадцати, будетъ заплачено по тысячѣ рублей, итого пятнадцать тысячъ, то эти деньги пойдутъ въ карманы кулаковъ, такъ какъ крестьянинъ-хлѣбопашецъ ни за что не возьметъ гоньбу, а ее возьметъ или кулакъ или мѣщанинъ, который тотъ же кулакъ и значить, пятнадцать тысячъ въ годъ населеніе должно затратить совершенно непроизводительно. Пользы отъ этой растраты

*) Изъ Томскихъ губернскихъ вѣдомостей за 1881 г. видно, что всѣхъ уволенныхъ, причисленныхъ и перемѣщенныхъ чиновниковъ было 130 человекъ, изъ нихъ только однихъ уволенныхъ 70 человекъ.

**) Мы здѣсь говоримъ только про томско-кузнецкій земскій трактъ, который идетъ отъ ст. Кокуль до Кузнецка, а то есть еще торговый кузнецкій трактъ, гдѣ тоже хотятъ завести ямщиковъ—тогда населеніе должно прилачивать еще болѣе.

не будетъ никому и никакой, развѣ только то, что кто нибудь прокатится метеоромъ взадъ и впередъ по этому тракту. Населеніе же участвуетъ только въ несеніи тяжестей гоньбы, но не имѣетъ права даже послать письмо или прошеніе черезъ волостное правленіе или сотника въ Кузнецкъ, и каждый житель округа, желающій подать прошеніе, долженъ ѣхать въ Кузнецкъ, такъ какъ въ іюлѣ 1880 г. послѣдовало распоряженіе, которое изъяснило, что кузнецкое окружное полицейское управленіе при приѣмѣ сельскихъ почтъ отъ волостныхъ правленій замѣтило, что постоянно съ почтой сотникъ привозитъ частную корреспонденцію и посылки и разноситъ таковую по городу почти цѣлый день, почему предписывается нынѣ же устранить приѣмъ частной корреспонденціи. Такъ безцеремонно поступаютъ въ нашемъ краѣ съ населеніемъ!

— *Ишимъ* (корреспонденція «Восточнаго Обозрѣнія»). Ишимская зимняя Никольская ярмарка, существующая съ незапамятныхъ временъ въ окружномъ городѣ Тобольской губерніи Ишимѣ и продолжающаяся съ 1-го по 25-е декабря, занимаетъ, безспорно, первое мѣсто въ средѣ ярмарокъ не только Западной, но и Восточной Сибири. Главные предметы оборотовъ ея составляютъ кожи, сало и масло, такъ какъ южные округа упомянутой губерніи, при благоприятныхъ климатическихъ и территоріальныхъ условіяхъ для скотоводства, съ прогрессивно увеличивающимся успѣхомъ занимаютъ этою отраслью сельскаго хозяйства, откармливая въ большомъ количествѣ скотъ, покупаемый въ киргизской степи. Главный же пунктъ, откуда крупный рогатый скотъ, а также и бараны, отправляются въ округа губерніи и за Уралъ—это Танинчинская ярмарка, существующая вблизи г. Петропавловска, Акмолинской области. Сюда скотъ въ громадномъ количествѣ пригоняется киргизами изъ своихъ степей для продажи русскимъ торговцамъ и для обмѣна имъ на желѣзо, мѣдь и разныя мануфактурныя издѣлія. Сало обрабатывается преимущественно на заводахъ Курганскаго, Ялуторовскаго и Ишимскаго округовъ и отсюда отправляется уже на ярмарки Ишимскую и Ирбитскую, или же прямо—въ Кунгуръ, Екатеринбургъ и Петербургъ. Кожи привозятся въ сыромъ видѣ изъ южныхъ округовъ Тобольской губерніи и обрабатываются въ Томскѣ, а также округахъ Курганскомъ и Ялуторовскомъ; кромѣ мѣстнаго употребленія, онѣ поставляются еще и для довольствія войскъ въ военное министерство, а также сбываются въ значительномъ количествѣ и на рынкахъ Средней Азии, Восточной Сибири, на Нижегородской и Ирбитской ярмаркахъ.

Кромѣ вышеозначенныхъ товаровъ на Ишимскую ярмарку привозятся колоніальные, бакалейные и москательные товары, а также хлѣбъ, фабричныя, заводскія и мануфактурныя издѣлія, но сравнительно въ меньшемъ количествѣ и притомъ наличностію, тогда какъ кожи, сало и масло привозятся въ Ишимъ наличностію въ незначительномъ количествѣ, отправляясь съ мѣста своего нахождения прямо уже по назначенію, по окончаніи здѣсь миллионныхъ сдѣлокъ между продавцами и покупателями. Въ какой же степени прогресса увеличиваются въ послѣднее время обороты Ишимской Никольской ярмарки, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

	Привезено товаровъ.	Продано.
Въ 1877 г. на	4.656,000 р.	4.115,000 р.
> 1878 > >	4.850,000 >	4.390,000 >
> 1879 > >	4.868,000 >	4.442,000 >
> 1880 > >	4.892,000 >	4.380,000 >
> 1881 > >	4.918,500 >	4.283,500 >

Изъ этого видно, что привозъ товаровъ съ 1877 года по настоящее время увеличивается, тогда какъ сбытъ ихъ съ 1880 г.

началь уже уменьшаться. Причину такого уменьшения надобно искать не въ климатическихъ или санитарныхъ условіяхъ, а единственно въ упадкѣ общаго экономическаго состоянія въ средѣ населенія.

— Изъ Омска сообщаютъ въ «Сибирскую Газету» отъ 18-го марта: по городу нельзя ни пройти, ни проѣхать. Сугробы снѣга и ухабы встрѣчаются на всѣхъ улицахъ. Многіе жители безцеремонно вывозятъ снѣгъ и валятъ на средину улицы. Въ магазинѣ Баранова произведена кража ночью тысячъ на шесть. Магазинъ находится на большой улицѣ около генераль-губернаторскаго дома.

— Изъ Тары отъ 15 марта въ ту же газету пишутъ: въ ночь съ 1 на 2 февраля, въ 40 вер. отъ города совершено звѣрское преступленіе: убитъ, съ цѣлью грабежа, полѣсовщикъ съ семьей— всего пять человѣкъ. Убійцами оказались ссыльные, въ томъ числѣ сидѣлецъ питейнаго заведенія, мѣщанинъ изъ ссыльныхъ Черныяковъ, убиты и маленькія дѣти. Изъ найденнаго имущества каждому злодѣю при дѣлежѣ досталось по пяти рублей и въ три рубля обошлась загубленная душа. Тара кишитъ ссыльными безъ занятій. Рядомъ постоянныхъ преступленій отражается на Сибири ссылка этихъ подонковъ русскаго общества!

Х Г О Н И М Ы Е.

(Очеркъ изъ сибирскихъ нравовъ).

(Окончаніе).

— Позвольте не-то папирочку попробую? спросилъ Иванъ Родіоновичъ, увидя, что я закурилъ папиросу, и закуривъ началъ усердно всасывать въ себя дымъ.—Такъ вотъ, доложу вамъ,—началь онъ, окруживъ себя облакомъ дыма.—Мяли, мяли они это дѣло, наконецъ закончили и представили его на разсмотрѣніе окружнаго суда; хорошо-съ! Только окружный судья, Матвѣй Карпычъ Хлоповъ, теперь ужъ покойникъ, не тѣмъ будь помянуть, въ одну-же дудочку этой шайкѣ подсвистывалъ; вдругъ, какъ только представили они это дѣло, и соберись въ отпускъ, съ умысломъ ужъ это имъ было сдѣлано, чтобъ отклонить отъ себя это дѣло или нѣтъ, не могу судить, и какъ только получилъ разрѣшеніе и тотчасъ-же въ путь собрался; какъ старшій по чину, я и вступилъ въ исправленіе должности окружнаго судьи. Въ первое-то время я порѣшилъ было не прикасаться къ Аксеновскому дѣлу до пріѣзда его, пускай-де самъ какъ знаетъ, такъ и орудуетъ. Хорошо! Только чего допрежъ никогда не бывало, заѣзжаетъ ко мнѣ однажды Иванъ Миронычъ, а прежде, доложу вамъ, не удостоивалъ и визитовъ мнѣ оплачивать. Ну, милости просимъ, благодаримъ за честь. Слово за слово, то да се, онъ и говоритъ мнѣ:—у васъ, говоритъ, представлено изъ земскаго суда на разсмотрѣніе дѣло объ убійствѣ вдовы Лихутиной-съ.—Есть, говорю.—Поспѣши, говоритъ, разсмотрѣть его, арестантъ содержится, и дѣло-то, говоритъ, пустяшное, никакихъ сомнѣній, а то, говоритъ, я слышалъ, что мать-то арестанта поѣхала въ губернію съ жалобой, то какъ бы, говоритъ, запроса не послѣдовало о причинахъ медленности. Я и отвѣчаю, что хочу-де оставить это дѣло до пріѣзда судьи Матвѣя Карпыча.—Почему? спрашиваетъ; да такъ, говорю, ужъ всѣ болѣе серьезныя дѣла до его пріѣзда оставляемъ.—Вотъ, говоритъ, пустяки какіе, онъ проѣздитъ по болѣзни четыре, пять мѣсяцевъ, а арестантъ будетъ сидѣть и дѣла накапливаться! Ну, уѣхалъ; нѣтъ, думаю, не возьмусь за это дѣло, словно сердце чуяло! Прошло еще такъ съ недѣлю время, опять Иванъ Миронычъ удостоилъ меня посѣщеніемъ и первый вопросъ: разсмотрѣлъ-ли дѣло?—Нѣтъ, говорю. Посидѣлъ онъ, посидѣлъ, да и говоритъ мнѣ: послушай моего добраго совѣта, Иванъ Родіонычъ, размотри дѣло, а то худо будетъ, если донесется до губернатора и губернскаго суда, что ты затягиваешь его. Задачей было для меня это слово его. Ну, что, думаю, какъ донесетъ, тогда вѣдь и спрашивать не стануть, почему медлю, а спихнуть за бездѣятельность, какъ блинъ со сковороды. Ну, думаю, была не была, пере-

крестился и приступилъ. Приступилъ и вижу, Господи Боже мой, кто убилъ черезъ каждое слово сквозить, а невиннаго человѣка въ острогъ заточили, подъ плети вѣдутъ. Важные свидѣтели или не допрошены, или допрошены безъ присяги, Аксеновъ въ ночь убійства Лихутиной самъ затопилъ печь въ избѣ, и сжегъ въ ней рубаху, порты и азамъ, а почему, для чего сжегъ—не разслѣдовано, и много такого-съ, чего ужъ не могу вамъ обсказать теперь, потому ужъ память-то измѣняетъ и это подробно въ моихъ-то бумагахъ обозначено. Какъ разсмотрѣлъ я это дѣло и ободрился, дѣло кругомъ нечистое. Совѣсть заговорила во мнѣ: чтожъ это, думаю, невиннаго человѣка губятъ и у тебя рука не поднимется спасти его? Да развѣ я не прималъ присяги служить честью и правдой; да коли этакъ всѣ будутъ молчать, такъ послѣ этого посередь улицы, кто побогаче, будетъ рѣзать да бить, а невиннаго человѣка схватятъ да судить будутъ, а? Нѣтъ, думаю, сколь вы ни сильны, господа, а законъ-то и правда все посильнѣе васъ. Жить-то мнѣ не съ вами доведется, а со своею совѣстью, да, долго не думая, составилъ постановленіе: что по разсмотрѣнію-моль означеннаго дѣла въ виду таковыхъ-то и оныхъ обстоятельствъ, вытекающихъ изъ него, окружный судъ постановилъ переслѣдовать означенное дѣло, противу указанныхъ обстоятельствъ; арестанта, содержащагося въ острогѣ, Семена... Семена.... ахъ какъ его, забылъ вотъ, чей бишь онъ по прозвищу-то, говорилъ онъ, припоминая и потирая лобъ, ну, не вспомнить,—э-эхъ да ничего, обойдемся,—освободить изъ подъ-ареста и отдать подъ надзоръ общества до рѣшенія дѣла, а Аксенова въ виду таковыхъ-то неопровержимыхъ, хотя и недостаточно обстоятельныхъ уликъ арестовать, дабы отнять у него возможность уклоняться отъ суда и слѣдствія; о настоящемъ постановленіи сообщить для надлежащаго свѣдѣнія господину начальнику губерніи, а самое дѣло возвратитъ въ земскій судъ, для переслѣдованія и исполненія. Не успѣли еще и заслушать какъ слѣдуетъ это постановленіе суда, какъ ужъ вѣсть эта пошла по городу. Прихожу я домой изъ суда, не сѣлъ еще и за столъ, Иванъ Миронычъ пожаловалъ, спрашиваетъ правду-ли онъ слышалъ то-то и то-то по дѣлу Аксенова?—Правду, говорю.—Да ты, говоритъ, съ чего это взялъ убійцу-то освободить?—А потому, говорю, чтобъ настоящаго на его мѣсто посадить, убилъ Аксеновъ, а не этотъ парень какъ бишь его... ну, Семень. Помолчалъ онъ, помолчалъ это, подумалъ, да и говоритъ: послушай, говорить, меня, Иванъ Родіонычъ, спасибо мнѣ скажешь.—Из-

вольте, говорю, слушаю!—Не дѣлай ты этого, изорви свое постановленіе, къ добру оно не поведетъ! ты бѣдный чело-вѣкъ, живи лучше посмирнѣй... тысяча рублей тебѣ бу-детъ большая подмога, возьми и молчи!—Нѣтъ, говорю, Иванъ Миرونъчъ, хотя я и бѣденъ, а чело-вѣческой жизнью торговать не буду; за што, говорю, будутъ бѣднаго парня плетми драть, а настоящій убійца—будетъ смотрѣть да хихикать. Нѣтъ, не продамъ, говорю, своей совѣсти!—Ой возьми, говоритъ, драть его не будутъ, дѣло замнемъ, много што на поселенье пойдетъ. И на это, говорю, не поступлюсь, Богъ и законъ повелѣваютъ правду блости.—Такъ не хо-чешь? говоритъ.—Не хочу!—Ну, прощай, говоритъ, такъ и разстались. До того энтотъ разговоръ тогда, милостивый государь, меня въ преферансъ ввелъ, што по истинѣ до-ложу вамъ, я былъ какъ самъ не свой! Болить это сердце, щемить его, словно бѣду чуетъ, ну, думаю, Господи Вла-дыко живота моего, укрѣпи унылый духъ мой, хожу это молюсь да вздыхаю, жену покойницу прибилъ-съ.

— Ее-то это за что-же, прервалъ я.

— Каюсь, отпусти мнѣ, Господи, грѣхъ сей, прибилъ-съ. Со слезами это она приступила ко мнѣ: не задирайся, го-ворить, Ваня, послушай меня, сгубягъ! возьми, говоритъ, ты лучше энту тыщу, што дають и молчи. Бѣдные, гово-рять, мы люди, ужъ намъ ли совѣсть соблюдать! Эхъ ты, говорю, такая сякая, гдѣ бы, говорю, поднять у мужа уны-лый духъ, а ты, говорю, сѣи слова мнѣ говоришь, во-шелъ это въ азартъ да хлопъ, хлопъ, и взвыла только сердешная! дрожащимъ отъ слезъ голосомъ произнесъ онъ, и отеръ ладонью показавшіяся на глазахъ слѣзы.—Хорошо-съ! началъ онъ послѣ минутной паузы, подошелъ вечеръ, на дворѣ-то ужъ августъ стоялъ, темнѣло-то раненько. Вдругъ смотрю подѣзжаетъ къ дому кучеръ городничаго Гор-дѣева на дрогахъ, входитъ это ко мнѣ и говоритъ: Спи-ридонъ Евстафьичъ Гордѣевъ приказали кланяться, про-сили въ гости къ себѣ и экипажъ прислали. Ну, я ужъ сразу сдогадался зачѣмъ зовутъ; кланяйся, говорю, боленъ, не могу ѣхать! ушелъ онъ, не прошло и часу, съизнова пріѣзжаетъ съ запиской, наизусть ее даже помню: полно говоритъ, Иванъ Родионъчъ болѣтъ-то, пріѣзжай, мы тебя подружески полѣчимъ; што, думаю, ѣхать аль не ѣхать? ѣхать, знаю что приступать будутъ, чтобы бросилъ свое на-мѣреніе, продалъ-бы совѣсть, не ѣхать до поры до время ссору заводить, а сердце вотъ такъ и говорить, сударь: не ѣзди!.. не ѣзди!.. Ну, жена это съизнова приступила, поѣзжай, не заводи каплота! Ну, послушалъ ее, перекре-стился и поѣхалъ. Смотрю, Иванъ Миرونъчъ у него въ гостяхъ, начальникъ гарнизонной команды, еще чело-вѣка три, четыре чиновниковъ изъ ихней шайки. Приняли меня, милостивый государь, съ любовью да лаской, не знаютъ куда и усадить. Выпей да выпей; не пью, говорю, едва отбиваюсь; ну, вотъ идетъ время, часъ ужъ полагать один-надцатый, вотъ они и налягъ на меня всѣмъ-то соборомъ: брось, не ссорься, умнемъ дѣло, въ отвѣтъ не попадешь, вотъ, говоритъ, тебѣ, возьми полторы тысячи и будешь намъ первый другъ, орденъ выхлопочемъ, судьей сдѣлаемъ, мы, говоритъ, все можемъ, брось!—Не могу, говорю, не пойду супротивъ закона и совѣсти, не могу! Гордѣевъ-то меня обнимаетъ, цѣлуетъ. Брось!—Не могу, говорю, не нудьте, я своей совѣсти и чести господинъ! На своемъ, говоритъ, хочешь поставить, а? Гордѣевъ-то спрашиваетъ.—Богъ и законъ такъ, говорю, велятъ мнѣ, прощайте господа, взялъ это шапку и вышелъ въ переднюю, и они всѣ за мной. Только что я хотѣлъ это шинель-то надѣть, Гордѣевъ снова спраши-ваетъ: Такъ не хочешь, говоритъ, противъ насъ идешь?

—Богъ и законъ, говорю.—Такъ вотъ, говоритъ, тебѣ Богъ твой и законъ!.. да какъ хватить меня, сударь, по лицу, у меня и свѣтъ изъ глазъ выкатился, и я не помню какъ слетѣлъ по лѣстницѣ внизъ со втораго этажа. Господа, вѣдь это разбой, есть-ли изъ васъ кто благородный чело-вѣкъ! крикнулъ я, придя въ себя, но только услышалъ въ отвѣтъ хохотъ, и не знаю кто ужъ кинулъ мнѣ ши-нель и меня вытолкнули изъ дверей на улицу и захоп-нули ихъ за мной. Пошелъ я домой въ какомъ ужъ со-стояніи, посудите сами, и горе-то и злоба душить. Иду, а слезы такъ вотъ и катятся. Идти-то отъ Гордѣева до меня нужно было по крайней мѣрѣ съ полверсты, фона-рей нѣтъ, на улицѣ ни души, потому ужъ время-то позд-нее, ночь темная; иду, на половинѣ дороги, гдѣ прохо-дилъ я, есть оврагъ и *чрезъ него мостикъ. Только что я сталъ подходить къ мостику, слышу ѣдетъ кто-то сзади; взошелъ я на мостикъ и посторонился, когда ужъ дроги-то въѣхали на мостикъ и поровнялись со мной, гляжу Гор-дѣевскія дроги и кучеръ его и на дрогахъ сидятъ двое, но не господа, а такъ простаго званія люди; только что они поровнялись со мной, двое-то сидѣвшихъ соскочили съ дрогъ, схватили меня, а кучеръ ударилъ по лошади и ускакалъ, и крикнуть я, милостивый господинъ, не успѣлъ, какъ закрутили мнѣ шинелью голову и стащили въ ов-рагъ, потому ужъ очнулся-то я потомъ въ оврагѣ; ужъ какъ меня били, чѣмъ по чему—не скажу, потому сознание потерялъ. Только когда ужъ очнулся, а ужъ очнулся-то почестъ передъ свѣтомъ, такъ у меня ни голосу нѣтъ, ни головы не могу поднять, ни ногой, ни рукой пошевелъ-нуть. Долго я такъ лежалъ, чую только, что голова какъ въ огнѣ горитъ и поднять ее не могу! ползкомъ ужъ, су-дарь, изъ оврага-то я выбрался, а у оврага стоялъ домъ мѣщанина Сизова. Проползу можетъ шаговъ пять, обне-сетъ у меня голову и съизнова пойду, только и думаю: пособи, Господи, не умереть безъ покаянія! Подползъ на-конецъ къ дому Сизова, собралъ что есть силы въ себѣ и крикнулъ: спа-си-те, да тутъ же и упалъ безъ памяти. Очнулся-то я, милостивый государь, ужъ у себя въ семьѣ никакъ на четвертые сутки. Послѣ ужъ мнѣ рассказали, что энтотъ самый мѣщанинъ-то Сизовъ услыхалъ, что около его дома кто-то крикнулъ «спасите», вскочилъ, растворилъ ставенекъ-то у окна и видитъ что чело-вѣкъ лежитъ за-мертво, испугался, легъ да и ни гу-гу, только жена и го-ворить ему, смотри какъ бы бѣды не нажить, постучимъ лучше къ сосѣдямъ. Побудили сосѣдей, собрался народъ, видятъ лежитъ чело-вѣкъ замертво, безъ языка ужъ, весь въ крови, дали знать въ полицію, когда-то еще квартальный пріѣхалъ да что, ну, подняли и доставили домой. Болѣе мѣ-сяца я боленъ-то былъ. Съ этихъ самыхъ поръ у меня и глаза стали слабѣть, и тѣсенія въ груди, и голову обносить, вотъ почему дочка-то и боится пущать меня одного, обнесетъ такъ внезапно голову и падешь, закончилъ онъ и, глу-боко вздохнувъ, отеръ глаза отъ накопившихся слезъ.—Ну што вамъ сказать, снова началъ онъ, поправился я и по-слалъ рапортъ губернатору, въ коемъ все описалъ, и дѣло Аксеновское и копію съ своего постановленія по этому дѣлу, и какъ меня уговаривали бросить его, давали деньги, сулили орденъ выхлопотать мнѣ и мѣсто судьи, и какъ избили... послалъ. Слышимъ, пишутъ, ѣдетъ къ намъ губер-наторскій чиновникъ особыхъ порученій произвести по моимъ выводамъ слѣдствіе. Слышу, милостивый государь, и господа Гордѣевъ и Канаевъ пріуныли, почуяли, что ужъ далеко зашли. Вотъ въ эфто-то время-съ мнѣ и надо бы быть поосторожнѣй, почаще бы оглядываться около

себя; ну, сплеховалъ, каюсь, не прозрѣвалъ до чего можетъ простираться человѣческая злоба и низость. Съ раннихъ лѣтъ, доложу вамъ, я питалъ пристрастіе къ охотѣ, осенью это первое мое удовольствіе было: какъ свободное время, возьмешь, ружье и пойдешь версть за десять, за пятнадцать отъ города, оно и средство къ пропитанію давало, набьешь уточекъ, рябчиковъ, куропаточекъ и, глядишь, недѣлю питаемся съ семьей; дичи-то обиліе, стада. И въ это-то время я не покидалъ сей привычки. Въ ину пору изниметь эта тоска, возьмешь ружье и пойдешь въ лѣса и какъ будто рукой снимешь, отдохнешь. Завсегда почти я ходилъ изъ города по дорогѣ къ селу Христорожественскому, въ трехъ верстахъ оно отъ города, и какъ только спустишься съ горы, то при входѣ въ село стоитъ церковь, монастыремъ называется, монастырь тутъ былъ когда-то. Часто это, сударь, возвращаясь поздно ночью домой усталый, прежде чѣмъ подниматься въ гору, которая версты полторы вышиной-то, я имѣлъ обычай, присядешь на ступеньки-то у паперти, отдохнешь съ полчаса время, освѣжившись и пойдешь себѣ. Только однажды, доложу вамъ, ужь этакъ въ половинѣ сентября, иду я домой, погода-то теплая стояла, ночь; ну, время такъ по моему часъ десятый не болѣе. Въ селѣ все тихо, кое-гдѣ только по избамъ огоньки мелькають. Хорошо-съ! Подошелъ я къ церкви и, ни мало ничего не думая, сѣлъ на ступеньку, положилъ около себя ружье и сижу. Только вдругъ слышу подъ самымъ почестъ ухомъ крикнулъ кто-то: «стой, держи, кружку у церкви сорвалъ!» Я ишо и оглянуться не успѣлъ, какъ около меня выросъ мужикъ и схватилъ за руки, а съ нимъ и другой. «Что такое, что тутъ?» спрашиваю я, какое ты имѣешь право хватать меня, я чиновникъ!»—А вотъ тамъ разберутъ кто ты!.. говорить онъ, а между тѣмъ другой-то крестьянинъ побѣждалъ знаете по селу, кричить: «выходи, ребята, церковь обокрали!» Изъ волости, точно какъ по сказанному, точно какъ будто ждали: волостной писарь выбѣжалъ, сотскіе, изъ избъ народъ сталъ выскакивать; а меня держатъ какъ въ тискахъ. Писарь побѣждалъ, я ему объясняю кто я, спрашиваю, что все это значить, требую составить актъ. «Слушаю-съ!» говорить. Принесли огня, смотримъ, крышка у кружки церковной оторвана, но деньги цѣлы лежатъ. Тутъ ночной караульный крестьянинъ Максюковъ и съ нимъ другой, Антиповъ, и церковный сторожъ, старикъ уже, показали предъ всѣмъ обществомъ: «что они давно примѣтили, какъ я постоянно присаживался по ночамъ на церковной паперти и все какъ будто выжидалъ, когда на улицѣ никого не будетъ. Не зная-де, что я за человѣкъ, они впали, будто въ сумнѣніе и не желая дѣлать фальшивой тревоги, молчали, но сговорились промежъ себя слѣдить за мной до время, и Максюковъ и Антиповъ нарочно для этого вызывались не въ очередь ходить въ ночной карауль. И вотъ, говорятъ, какъ увидали, что я иду, притаились за церковью и видятъ, сѣлъ я на паперть... посидѣлъ маленько, оглядѣлся кругомъ, подошелъ къ кружкѣ, ощупалъ ее да вдругъ какъ рвану съ нея крышку-то гвоздемъ, они тутъ меня и накрыли и не дали время денегъ вынуть. Ну, что вамъ говорить дальше... предъ вами сижу, произнесъ онъ разведя руками: во очію видите, что сдѣлали изъ человѣка...

— Кто-жъ вамъ устроилъ эту пакость?

— Канаевъ, кому-же больше-то? Владыко вѣдь былъ въ округѣ, а эти самые крестьяне Максюковъ и Антиповъ, сподручными были у него, черезъ нихъ онъ сбывалъ фальшивыя деньги, скупалъ скоть, хлѣбъ и потомъ пере-

продавалъ. Видя, что дѣло ихъ со мной принимаетъ дурной оборотъ, они слѣдили вѣрно за мной, подмѣтили мои привычки и устроили ловушку, чтобъ погубить меня.

— А слѣдствіе было произведено?

— Ка-а-акже-съ, они тотчасъ-же донесли объ этомъ губернатору, ну, и пріѣхалъ чиновникъ особыхъ порученій и произвелъ слѣдствіе объ избіеніи меня и о моемъ преступленіи. Всѣ бывшіе въ тотъ вечеръ у Гордѣева показали подъ присягой, что меня никто не билъ въ домѣ его. Максюковъ, Антиповъ и церковный сторожъ тоже показали подъ присягой, что я сорвалъ крышку у церковной кружки. Чтѣ я могъ подѣлать одинъ противъ всѣхъ: волочили, волочили меня, писалъ, жаловался, скорбѣлъ, доказывая, что это интрига, но изъ меня сдѣлали сумасшедшаго и заточили въ Нарымъ, и старикъ, понуривши голову, долго отиралъ накатывавшіяся на глаза слезы.—«А Аксеновское дѣло такъ и замяли-съ. Вотъ, сударь, прежде къ намъ въ Сибирь хоть ревизоровъ посылали. Вотъ еслибъ теперь наѣхалъ какой ни на есть сенато-о-оръ, много, много-бы зла накрылъ онъ, что и во снѣ тамъ въ Питерѣ-то не видѣли, а здѣсь во очію творится. Убийства сплошь и рядомъ закрываются; коли ты бѣденъ, то какое-бы ни было у тебя правое дѣло, всегда проиграешь, конкурсы тянутся по тридцати лѣтъ, гдѣ предсѣдатели наживаютъ сотни тысячъ, а кредиторы не получаютъ ни копѣйки; а что съ казенными заводами и имуществомъ творять, такъ помилуй Богъ: всѣ сыты около нихъ, только казнѣ вѣчный убытокъ... о-охъ, Сибирь, Сибирь! и старикъ, снова покачавъ головой, впалъ въ какое-то забытье.

Посидѣвъ еще немного, онъ вдругъ вскочилъ, и рассыпавшись въ извиненіяхъ, заторопился домой, попросивъ позволенія бывать у меня и принести, какъ называлъ онъ, свои «рукотворенія».—Дочка-то спохватится, ума поди не приложить, гдѣ я... говорилъ онъ, выходя за порогъ. Я не удерживалъ его, и замѣтивъ, какое болѣзненное впечатлѣніе произвело на него воспоминаніе объ изнасилованіи его дочери, стѣснился напомнить ему объ этомъ эпизодѣ изъ его страдальческой жизни, который можетъ быть съ умысломъ былъ пропущенъ имъ въ своемъ разсказѣ.

Дня черезъ два послѣ посѣщенія старика, ко мнѣ зашелъ одинъ изъ моихъ пріятелей, старинный томскій житель, знавшій не только всѣхъ жителей этого города, но и біографію каждаго изъ нихъ. Я спросилъ у него: знаетъ ли онъ старика Маркова.

— Ты спросилъ бы лучше, кого я не знаю, съ проницей отвѣтилъ онъ,—а ужь онъ не былъ ли у тебя?

— Былъ.

— И рассказывалъ тебѣ свою исторію, съ приложеніемъ рукотвореній... а?..

— Да... хотя рукотворенія обѣщалъ доставить на дняхъ.

— Несчастный старикъ, несчастный... Это дѣйствительно жертва гнусной провинціальной интриги въ сибирскомъ вкусѣ. Теперь ужь это полусумасшедшій человѣкъ, сдѣлавшійся общимъ посмѣшищемъ. Ты вотъ принялъ его и онъ на-дняхъ къ тебѣ опять придетъ и снова расскажетъ тебѣ свою исторію... и затѣмъ каждый день будетъ ходить къ тебѣ и рассказывать ее. Онъ ужь ни о чемъ болѣе не въ состояніи и говорить, какъ только о своемъ дѣлѣ. Все собирается пропечатать его, да никакъ газетнаго слога не можетъ изучить, несчастный. Объ одномъ только предупредить тебя надо, ты не вздумай предложить ему денежной помощи.

— А что?

— Избави тебя Господи, дерзостей наговорить. Я не нищій... не нищій-съ... я, милостивый государь, Божіею милостию, титулярный совѣтникъ Государя моего... закричить на всю улицу, такъ что ты и жизни будешь не радъ, смѣясь закончилъ онъ свой отзывъ о несчастномъ старикѣ.

Н. Наумовъ.

ТЕЛЕГРАММЫ.

«Голосу» телеграфируютъ:

Томскъ, 27-го апрѣля, 6 часовъ пополудни.—Въ воскресенье, въ полдень, вспыхнулъ пожаръ въ бѣднѣйшей части города—заозерной. Сгорѣло 57 домовъ. Много погибло складовъ хлѣба. Многія семьи лишились крова, имущества, всѣхъ средствъ къ существованію. Спусти нѣсколько часовъ, ночью, на Воскресенской Горѣ сгорѣло восемь домовъ, а вчера, въ понедѣльникъ, на Пескахъ, въ центрѣ города—четыре зданія.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДѢЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

— Парнелъ, Диллонъ, О'Келли, Девиттъ и другіе вожаки ирландской партіи, депутаты и публицисты получили свободу. Въ тюрьмахъ осталось нѣсколько сотъ мелкихъ агитаторовъ, арестованныхъ по подозрѣнію. Всѣхъ заключенныхъ было до тысячи человѣкъ. Нужно надѣяться, что и эти жертвы репрессивной политики Англии вскорѣ будутъ освобождены. Англійскіе лорды и министры наконецъ сознали, что практикованныя ими мѣры не даютъ ожидаемыхъ результатовъ. Что творилось въ Англии послѣдніе годы? «Новое Время» рисуетъ такую картину всевластія англійской администраціи: «армія въ 50,000 человѣкъ охраняла порядокъ, но не могла охранить его, полиція въ «усиленномъ составѣ» выбилась изъ силъ, уголовные суды дѣлали свое неблагодарное дѣло, администрація производила обыски и аресты, запрещала газеты, митинги были запрещены,—словомъ, всѣ орудія военнаго положенія были въ ходу, какъ въ непріятельской странѣ, при этомъ смута не унималась, а росла и росла». Пора, давно пора была выступить англійскому правительству на примитивный путь и серьезно подумать о нуждахъ Ирландіи. Руководитель репрессивной политики Форстеръ, министръ по дѣламъ Ирландіи вышелъ въ отставку. Для Ирландіи наступили благоприятныя времена, если не помѣшаетъ совершенное на дняхъ убійство. 24 апрѣля (6 мая) въ Фениксъ-паркѣ убиты: новый министръ по ирландскимъ дѣламъ лордъ Кэвендишъ и товарищъ его по министерству Боркъ. Убійцы, изранивъ кинжалами свои жертвы, скрылись. Трупы убитыхъ найдены окровавленными и изуродованными, но находившіяся при нихъ вещи и деньги не тронуты, что даетъ поводъ думать, что преступленіе совершено съ политическою цѣлью; предполагаютъ его протестомъ союза феніевъ противъ программы примиренія, выставленной Парнеллемъ. Парнелъ, Диллонъ и Девиттъ издали манифестъ земельной лиги къ ирландскому народу, гдѣ высказали твердую увѣренность въ глубокомъ сочувствіи ирландцевъ ко всѣмъ, искренно стоявшимъ за политику примиренія, и изъявили надежду, что народъ на дѣлѣ докажетъ свое негодованіе къ убійству, опозорившему доброе имя Ирландіи. Резиденція вице-короля, лорда Спенсера, въ Фениксъ-паркѣ охраняется сильными полицейскими постами. Всѣмъ полицейскимъ постамъ въ Ирландіи дано знать о совершенномъ убійствѣ; произведено уже нѣсколько арестовъ. 24-го апрѣля ирландцы праздновали освобожденіе своихъ вожаковъ, причемъ въ Баллині произошло столкновеніе съ

полиціею. Полицейскіе стрѣляли въ толпу и опасно ранили нѣсколькихъ человѣкъ. Того-же числа служащій на одной изъ желѣзныхъ дорогъ телеграфистъ Юнгъ, ради вымогательства денегъ, угрожалъ въ письмѣ королевѣ Викторіи смертью. Юнгъ арестованъ и преданъ суду исправительной полиціи. По слухамъ, умственные способности Юнга находятся въ ненормальномъ состояніи. Многіе органы печати задаютъ вопросы: что будетъ съ ирландскими дѣлами? и не откажется-ли правительство отъ того новаго пути, который только что избрало? Но это значило-бы, что оно отвергаетъ всякія примирительныя начала, и игнорируетъ умиротвореніе края. Надобно надѣяться, что единичное преступленіе, хотя и ужасное, не въ силахъ измѣнить направленіе внутренней политики страны и направить англійское правительство исключительно на путь репрессалій.

— Тронная рѣчь, произнесенная при открытіи германскаго парламента, отличалась умѣреннымъ характеромъ. Въ ней было выражено, что въ случаѣ непріятія табачной монополіи и отклоненія другихъ источниковъ государственныхъ доходовъ, имперское правительство должно будетъ отказаться отъ всякихъ преобразованій въ податной реформѣ. Князь Бисмаркъ очевидно сознаетъ, что распущеніе собранія не можетъ дать желательныхъ имъ результатовъ или, иными словами, угрозы ни къ чему не приведутъ. Вторая часть рѣчи вызвала болѣе сочувствія. Сущность ея состояла въ увѣреніи, что ни герцеговино-боснійскій, ни египетскій вопросы не предвѣщаютъ Европѣ серьезныхъ осложненій и что натянутость отношеній къ Россіи миновала. 21-го апрѣля (3-го мая) въ берлинской тюрьмѣ повѣсился пріѣхавшій изъ Россіи студентъ Ривлинъ; онъ находился въ предварительномъ заключеніи, по подозрѣнію въ участіи въ политическомъ преступленіи.

— Въ Константинополѣ, какъ сообщаютъ иностранные органы печати, возобновлены переговоры съ русскимъ посломъ г. Новиковымъ объ уплатѣ Россіи военной контрибуціи, что и задержало отъѣздъ г. Новикова въ Петербургъ. Турецкое правительство сдѣлало Австріи запросъ о намѣреніяхъ ея относительно Босніи и Герцеговины. Съ другой стороны, Турція не прочь послѣдовать примѣру Австріи и явиться въ Египтѣ исполнительницею рѣшеній Европы, но европейскія державы пришли къ заключенію, что вооруженное вмѣшательство Турціи можетъ только обострить египетскій вопросъ.

— Во Франціи палата депутатовъ приняла законопроектъ относительно похоронъ, совершаемыхъ безъ религіозныхъ обрядовъ, согласно которому, отданіе воинскихъ и другихъ почестей должно производиться на такихъ похоронахъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и при погребеніяхъ по религіозному обряду. Министръ-президентъ все еще высказывается противъ вмѣшательства Турціи въ дѣла Египта. Газета «Petit Algérien» сообщаетъ, что въ южной части Оранской области произошло уже не первое столкновеніе между арабами и французскими войсками. Обѣ стороны потеряли значительный уронъ. Франція предлагаетъ европейскимъ державамъ проектъ Баррера о разрѣшеніи такъ-называемаго дунайскаго вопроса. Въ первомъ пунктѣ этого вопроса говорится, что примѣненіе регламента для дунайскаго теченія между Желѣзными Воротами и Галацомъ поручается комисіи, въ которой Австро-Венгрія, Болгарія, Румынія и Сербія будутъ имѣть по одному делегату. Кромѣ того, въ комисіи будетъ находиться одинъ членъ европейской дунайской комисіи, который долженъ назначаться по алфавиту названій европейскихъ державъ. Французское правительство надѣется, что Россія приметъ этотъ проектъ. Такимъ образомъ Франція помѣшаетъ Австріи добиться согласія державъ на то, чтобы полицейскій надзоръ за судоходствомъ по нижнему теченію Дуная былъ порученъ ей.

— Въ Болгаріи, по газетнымъ извѣстіямъ, со времени упраздненія народнаго собранія, партія недовольныхъ растетъ такъ быстро, что можетъ настать необходимость объявить даже осадное положеніе въ столицѣ княжества, Софіи. По

слухамъ, либеральная партія рѣшительно не мирится съ настоящимъ положеніемъ своей родины,—и въ случаѣ, если бы князю Александру почему-нибудь вздумалось не вернуться изъ своего путешествія-инкогнито, болгары избрали бы своего правителя. На-дняхъ, въ домѣ типографа Янко Ковачева собралась небольшая сходка, о которой, согласно новому закону, городскія власти были оповѣщены. Полиціймейстеръ, въ силу даннаго ему закономъ права, явился на сходку, но во избѣжаніе побоевъ долженъ былъ бѣжать. На слѣдующій день въ домѣ доктора Шишманова была новая сходка. Жандармъ, стоявшій на посту, потребовалъ, чтобы улица была очищена отъ экипажей, тогда изъ дома выскочилъ Ковачевъ и нанесъ жандарму нѣсколько ударовъ тростью. Прокуроръ Осетровъ (русскій) поручилъ начальнику жандармовъ арестовать Ковачева. По другимъ извѣстіямъ, софійскому губернатору 25-го апрѣля (7-го мая) публично были нанесены побои за то, что онъ принялъ мѣры, съ цѣлью помѣшать радикаламъ произвести враждебную князю демонстрацію.

Событія русской жизни.

Въ добавленіе къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя мы сообщили своимъ читателямъ о комисіи статсъ-секретаря М. С. Каханова, извлекаемъ изъ «Правительственнаго Вѣстника» нѣкоторыя подробности о первомъ засѣданіи комисіи 20 ноября 1881 года. Изъ журнала комисіи видно, что была принята во вниманіе всеподданнѣйшая записка сенатора Шамшина о произведенной имъ ревизіи Саратовской и Самарской губерній и краткая историческая записка о ходѣ работъ по предмету составленія проектовъ мѣстнаго управленія, нынѣ упраздненной комисіи, состоявшей при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Кромѣ того, поступило множество матеріаловъ и свѣдѣній изъ разныхъ министерствъ и главныхъ управленій, записки земствъ получены еще не изъ всѣхъ губерній. Комисіи рѣшила пользоваться находящимися въ ея распоряженіи матеріалами, съ тѣмъ, чтобы свѣдѣнія, получаемыя во время хода работъ, были приобщаемы къ разрабатываемымъ матеріаламъ. На этомъ же первомъ засѣданіи комисіи склонилась къ мнѣнію объ удобствѣ начать разработку вопросовъ, относящихся къ устройству низшихъ единицъ, такъ какъ предметами вѣдомства низшихъ единицъ обуславливаются, главнымъ образомъ, предметы вѣдомства учрежденій губернскихъ; при этомъ въ предварительныхъ работахъ ограничиться общимъ разсмотрѣніемъ вопросовъ и не вдаваться въ частности по отдѣламъ. Относительно губернскихъ учрежденій предположено избѣгать ломки ихъ; что же касается мѣстностей, находящихся въ особыхъ условіяхъ, то ихъ исключительное положеніе будетъ имѣться въ виду только по окончаніи разработки общихъ вопросовъ.

— Въ настоящемъ 1882 году минетъ тысячелѣтіе историческаго существованія Кіева. Кіевскія газеты подняли-было вопросъ о празднованіи въ честь этого факта, но осталая печать не поддержала такого воззванія. По мнѣнію «Голоса», Россіи не до празднованій, если надъ нею тяготѣетъ забота о настоящемъ. Къ тому же и общество наше еще не пришло къ тому состоянію культуры, когда цѣнятся народомъ воспоминанія о важныхъ событіяхъ въ его исторіи.

— Приготовленія къ «Всероссійской выставкѣ» въ Москвѣ идутъ впередъ. Многіе экспоненты явились съ продуктами своего хозяйства. Финляндскій отдѣлъ уже совсѣмъ готовъ. Изъ Москвы получаютъ свѣдѣнія о различныхъ приготовленіяхъ ко дню коронаціи Ихъ Величествъ. Въ Кронштадтѣ, какъ говорятъ «Новости», императорская яхта «Держава», назначенная въ кампанію сверхъ программы плаванія, поспѣшно вооружается, царскіе покои отдѣлываются. По слухамъ, яхтѣ предстоитъ плаваніе съ Августѣйшими Особами къ берегамъ Даніи.

— Департаментъ земледѣлія и сельской промышленности, по примѣру 1881 года, не довольствуясь официальными свѣдѣніями о положеніи нашего хозяйства, обращается къ част-

нымъ лицамъ, землевладѣльцамъ и другимъ хозяевамъ, съ предложеніемъ сообщать ему о посѣвахъ и урожаяхъ, о состояніи домашняго скота и цѣнахъ на рабочія руки. Департаментъ имѣетъ цѣлю, при составленіи точныхъ статистическихъ свѣдѣній, слѣдить за измѣненіями въ сельско-хозяйственной промышленности изъ года въ годъ и быть посредникомъ между хозяевами, такъ какъ свѣдѣнія будутъ опубликовываться.

— 27 апрѣля состоялся юбилей С. П. Боткина. Чествованіе происходило въ залахъ городской думы, которыя едва могли вмѣстить всю массу публики; было прочтено множество адресовъ и телеграммъ. Среди учениковъ и почитателей почтеннаго юбиляра собирается подписка на устройство пародной школы имени С. П. Боткина.

— Графъ Федоръ Петровичъ Литке подалъ въ отставку по званію президента академіи наукъ.

— Начальникъ главнаго управленія казачьихъ войскъ, генераль-лейтенантъ Богуславскій, назначенъ членомъ военнаго совѣта, съ оставленіемъ въ генеральномъ штабѣ; помощникъ начальника главнаго управленія казачьихъ войскъ, генераль-маіоръ Золотаревъ, назначенъ исправляющимъ должность начальника управленія, съ оставленіемъ въ генеральномъ штабѣ.

— По слухамъ, передаваемымъ «Голосомъ», харьковскій генераль-губернаторъ, генераль-адъютантъ князь Святополкъ-Мирскій, по прошенію, увольняется отъ должности. Съ его увольненіемъ харьковское генераль-губернаторство упраздняется. Такъ какъ харьковскій генераль-губернаторъ, по обычному порядку, соединяетъ съ этою должностью и главное начальство надъ военнымъ округомъ, то, съ упраздненіемъ генераль-губернаторства, въ Харьковѣ будетъ назначенъ только начальникъ военнаго округа.

— Въ «Совр. Изв.» помѣщена слѣдующая замѣтка о казенномъ убійцѣ генерала Стрѣльникова — Желваковѣ:

«Желваковъ принималъ дѣятельное участіе въ «студенческомъ центральномъ кружкѣ», устроившемъ скандалъ на актѣ 8-го февраля 1881 г. и разбрасывавшемъ отъ своего имени на томъ же актѣ безграмотныя прокламаціи. Едва ли не черезъ него университетскій центральный кружокъ имѣлъ сношенія съ технологическимъ институтомъ: дня черезъ два послѣ 8-го февраля въ университетѣ явились делегаты отъ технологическаго института; въ одной изъ отдаленныхъ аудиторий была устроена сходка, куда не допускались вовсе лица, заявившія себя враждебно демонстраціи 8-го февраля, и гдѣ, какъ слышно, делегаты объявили о твердомъ намѣреніи студентовъ-технологовъ (вѣроятно, извѣстнаго кружка) устроить скандалъ графу Лорисъ-Меликову, чего, какъ извѣстно, не привели въ исполненіе. Тотъ же Желваковъ принималъ участіе въ оскорбленіи профессора Менделѣева: г. Менделѣевъ на другой день послѣ акта высказалъ свое порицаніе скандалу, за что былъ засыпанъ анонимными ругательскими письмами».

— Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ захворалъ жабой; докторъ Шарко предписалъ ему полное спокойствіе, а потому и намѣреніе знаменитаго романиста пріѣхать въ Россію отложено. Онъ остается на неопредѣленное время въ Парижѣ.

КРИТИКА И БИБЛЮГРАФІЯ.

Къ исторіи крестьянскаго вопроса въ Сибири и отношенія къ нему мѣстныхъ администраторовъ явился новый историческій матеріалъ.

Въ февральской книжкѣ харьковскаго журнала «Миръ» помѣщена небольшая, но интересная статья П. С.—каго: «Крѣпостные крестьяне въ Сибири». Авторъ въ настоящей статьѣ описываетъ исторію уничтоженія крѣпостнаго права въ Сибири. «Существуетъ мнѣніе, говоритъ онъ, что въ Сибири не было крѣпостнаго права, и сами сибиряки охотно поддерживаютъ его, не безъ гордости заявляя, что почва ихъ родины никогда не была осквернена величайшимъ изъ общественныхъ золъ, рабствомъ». На дѣлѣ было, однако, не совсѣмъ такъ и факты, приво-

димые въ статьѣ, свидѣтельствуютъ, что такое мнѣніе односторонне; къ моменту освобожденія въ Европейской Россіи оказалось крѣпостныхъ въ Восточной Сибири 624 и въ Западной 2,900 д. об. п. Ложность мѣстнаго мнѣнія была бы еще яснѣе обнаружена, если бы авторъ не ограничился исторіей крѣпостныхъ крестьянъ мелкихъ землевладѣльцевъ, а имѣлъ въ виду также подзаводскихъ крестьянъ алтайскаго горнаго округа. Крѣпостное сословіе явилось въ Сибири вопреки категорическимъ запрещеніямъ правительства; императоръ Николай, на проектъ графа Киселева въ 1839 г. объ отводѣ земель въ Сибири для поселенія владѣльческихъ крестьянъ, рѣшительно отвѣтилъ: «ни въ какомъ случаѣ поселеніе помѣщичьихъ крестьянъ допущено въ Сибири быть не можетъ». Высшіе чиновники въ Сибири, обыкновенно принадлежавшіе къ классу помѣщиковъ Европейской Россіи, нерѣдко пытались обойти эти запрещенія. Въ 1843 г. одинъ горный чиновникъ возымѣлъ мысль облагодѣтельствовать Сибирь проектомъ «о колонизаціи обязанныхъ крестьянъ для улучшенія сельскаго хозяйства и золотопромышленности», и несмотря на то, что этотъ проектъ, по докладу Канкрива, угадавшаго истинный смыслъ его, признанъ «несоотвѣтствующимъ видамъ правительства», десять лѣтъ спустя генералъ Анненковъ, ревизовавшій Сибирь, подалъ всеподданнѣйшую записку, въ которой предлагалъ образовать въ Сибири «высшее или дворянское сословіе посредствомъ раздачи земель за службу и продажи ихъ въ частную собственность, съ разрѣшеніемъ водворять на нихъ крестьянъ на правахъ обязанныхъ». Сибирскій комитетъ въ 1852 и 1853 г. отвергъ это предложеніе на томъ основаніи, что «водвореніе въ Сибири крѣпостныхъ крестьянъ высочайшею волею рѣшительно запрещено». И тѣмъ не менѣе, передъ крестьянской реформой, въ Сибири оказались крѣпостные. Этотъ фактъ отлично доказываетъ, какъ недостаточенъ для Сибири одинъ генералъ-губернаторскій надзоръ за исполненіемъ предначертаній верховной власти, направленныхъ ко благу мѣстнаго населенія. Во время освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ въ Европейской Россіи, составленіе первоначальныхъ мнѣній о порядкѣ освобожденія сибирскихъ крѣпостныхъ было возложено на губернскіе совѣты; мнѣнія были составлены въ крѣпостническомъ духѣ; крестьянъ предполагалось еще на 12 лѣтъ оставить крѣпкими землѣ; право собственности на землю оставить за помѣщиками, крестьянамъ предоставить выкупать усадьбы по соглашенію съ помѣщиками. Эти мнѣнія губернскихъ совѣтовъ нашли энергическую поддержку въ генералъ-губернаторѣ Гасфордѣ. Задавши себѣ цѣлью не улучшеніе быта крестьянъ, а заботу объ интересахъ одиннадцати сибирскихъ помѣщиковъ, генералъ Гасфордъ рассуждалъ такъ: при избыткѣ земель въ Сибири для помѣщика обязательный трудъ имѣть неоспоримое преимущество предъ свободнымъ, и если помѣщичьимъ крестьянамъ не будетъ преграждена возможность занимать для обработки земли у государственныхъ крестьянъ, то сибирскіе помѣщики будутъ вѣчно въ затруднительномъ положеніи; повтому онъ полагалъ: государственнымъ крестьянамъ рѣшительно воспретить допускать на свои дачи помѣщичьихъ крестьянъ; затѣмъ придумалъ, сверхъ мнѣній совѣтовъ, нѣсколько новыхъ стѣсненій для выхода крѣпостныхъ изъ срочннбязаннаго состоянія по истеченіи 12 лѣтъ, и кромѣ обязательной нормы надѣла въ 8 десятинъ, допустилъ норму меньшаго надѣла въ 5 десятинъ. Проектъ Гасфорда, съ такой крѣпостнической закваской, не могъ удовлетворить министра внутреннихъ дѣлъ Ланскаго; въ виду малочисленности сибирскихъ крѣпостныхъ, реформа ихъ быта представлялась дѣломъ болѣе легкимъ, чѣмъ въ Европейской Россіи; министръ находилъ возможнымъ купить всѣ частныя имѣнія въ Сибири за 100 тысячъ рублей, крестьянъ прямо перечислить въ государственные безъ всякаго переходнаго состоянія и такимъ образомъ покончить съ крестьянской реформой, не дожидаясь освобожденія крестьянъ въ Европейской Россіи. Однако Ланской встрѣтилъ противника своему предложенію въ министрѣ государственныхъ имуществъ Муравьевѣ, известномъ виленскомъ дѣятелѣ. По мнѣнію послѣдняго, «въ выкупѣ казною земли для помѣщичьихъ крестьянъ въ Сибири не представляется вообще никакой существенной надобности» и «что, вообще, не представляется уваженій, по которымъ можно было бы желать устройства помѣщичьихъ крестьянъ въ Сибири прежде постановленія правилъ по сему предмету въ великороссійскихъ губерніяхъ». Несмотря на то, что министръ Ланской энергически протестовалъ противъ этого жесткаго отзыва словами: «помѣщичьи крестьяне въ Сибири, находясь среди свободныхъ людей въ незначительномъ числѣ, вида, что даже ссыльно-поселенцы пользуются лучшею участью, чѣмъ они, замѣчая, что для нихъ только однихъ не-

доступно безпрепятственное пользованіе общимъ изобиліемъ мѣстныхъ удобствъ, и въ настоящее время едва сносятся крѣпостную зависимость», дѣло освобожденія сибирскихъ крѣпостныхъ крестьянъ оттянулось до общаго освобожденія крестьянъ въ Россіи. Такимъ образомъ реформа, осуществленіе которой представлялось въ Сибири сравнительно болѣе легкимъ, чѣмъ въ Европейской Россіи, была оставлена до рѣшенія общаго вопроса. Не такъ бы это вышло, еслибы у страны, дѣти которой, хотя бы и по заблужденію, гордились отсутствіемъ рабства, были какіе-нибудь органы для заявленія своего мнѣнія. Миссію посредника между мѣстнымъ населеніемъ и верховной властью долженъ бы нелицеприятно и соотвѣтственно видамъ послѣдней исполнять генералъ-губернаторъ, но изъ исторіи крѣпостныхъ крестьянъ въ Сибири видно, что это не всегда такъ бываетъ, и если бы сибирская исторія стала предметомъ изученія, то вѣроятно отъ Пестеля до Гасфорда не мало бы нашлось примѣровъ, когда эта высшая мѣстная власть становилась въ противорѣчіе съ видами правительства.

БИРЖЕВЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Сегодня, 27 апр.: Курсъ на Лондонъ на 3 мѣс.: 24^{7/16} пенс. за рубл., на Парижъ 257^{1/4} сант., на Гамбургъ 209 ифен., съ курсомъ крѣпко. Полуимперіалы по 8 р. 03 к., рубли серебр. по 1 р. 35 к., безъ дѣл. 5^{0/0} бил. Госуд. Банка 1 вып. 93^{1/2}, 2 вып. 90^{3/4}, 3 вып. 91, 4 вып. 90^{7/8}, 5 вып. 90^{1/2}. Восточный заемъ 90^{3/8}, 5^{1/2} ^{0/0} рен. 98^{5/8}, 5^{0/0} перв. выигр. заемъ 218^{1/4}, Втор. выигр. заемъ 212, 5^{0/0} закл. лист. общ. взаимн. позем. кред. (металл.) 129^{1/8}, (кред.) 86, Акц. парох. Общ. «Самолетъ» 190, акц. общ. «Кавк. и Мерк.» 490, акц. Спб. Учет. и Ссуд. Банка 450, акц. Межд. ком. бан. 360, акц. Рус. для вѣш. торг. банка 268, акц. Сар.-Симб. зем. бан. 115, акц. Спб. торг. банка 360, акц. Главн. Общ. Рос. ж. д. 256, акц. Рыб.-Бол. ж. д. 82, акц. Гряз.-Цариц. ж. д. 88. О настроеніи биржи можно замѣтить одно, что дѣлъ съ бумагами никакихъ не было и всю недѣлю продолжалось бездѣлье. Дисконты безъ перемѣнъ.

ПРОДАЕТСЯ ТОЛЬКО-ЧТО ВЫШЕДШАЯ ИЗЪ ПЕЧАТИ
БРОШЮРА:

300-ЛѢТІЕ СИБИРИ.

Празднованіе въ Петербургѣ и Москвѣ дня 26-го
октября 1581 года.

Цѣна 75 коп.

Брошюра издана съ благотворительной цѣлью, а потому принимаются и добавочныя пожертвованія. Удовлетворяются и письменныя требованія.

По Надеждинской улицѣ, въ д. № 22, кв. 34. Ежедневно (не исключая и праздничныхъ дней), съ 11 часовъ утра до 3 ч. пополудни.

Тутъ же распродаютъ, по пониженной цѣнѣ, оставшіеся непроданными экземпляры 1-го тома и 1-го выпуска 2-го тома, «Сборника историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о СИБИРИ», а равно 1-й и 2-й выпуски брошюры «Пятидесятилѣтіе 2-й С.-Петербургской гимназіи. Воспоминанія».

Съ требованіями можно обращаться: въ С.-Петербургѣ: въ книжный магазинъ газеты «Новости» (Невскій, противъ Гостиного двора, № 44) и въ Москву у Р. Я. Таля (въ Воспитательномъ домѣ).

ТРИ ВОПРОСА.

I. Улучшенное устройство сельской общины. II. Ассигнаціи-деньги. III. Чему и какъ учиться.

В. ВАСИЛЬЕВА.

Продается въ квартирѣ автора. С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 117 и въ конторѣ редакціи «Восточнаго Обозрѣнія».

Продолжается подписка на журналъ

«ВѢКЪ»

(ЛИТЕРАТУРНЫЙ, УЧЕНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКИЙ).

Журналъ выходитъ, ежемѣсячно, т. е. 12 книгъ въ годъ, по формату и по программѣ первой книги.

Примѣчаніе: При Историческомъ и Славянскомъ отдѣлахъ будутъ прилагаться портреты выдающихся дѣятелей: Русскихъ, Польскихъ, Чешскихъ, Болгарскихъ и Сербскихъ.

Въ журналѣ примутъ участіе лучшіе беллетристы; а въ ученое, славянское, историческое и юридическое отдѣлахъ—многіе изъ професоровъ нашихъ университетовъ и талантливѣйшіе изъ *Славистовъ*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Безъ доставки	14 р.	7 р.	4 р. 50 к.	2 р. — к.
Съ достав. въ Петер.	15 >	8 >	4 > 75 >	2 > 25 >
Съ Перес. въ др. гор.	16 >	10 >	5 > — >	2 > 50 >

Книгопродавцы пользуются обычною уступкою.

Главная контора журнала «Вѣкъ» помѣщается въ С.-Петербургѣ, по Офицерской, домъ № 15, кв. № 18.

Иногородныхъ просятъ преимущественно обращаться въ главную контору.

Издатель-Редакторъ М. Филипповъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННОГО ВѢСТНИКА“

ВЪ 1882 ГОДУ.

Полуежедневное изданіе, выходящее безъ предвар. цензуры.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, при «Церк.-Общ. Вѣстникѣ» въ 1882 г. будетъ изданъ въ видѣ бесплатнаго приложенія «Календарь для духовенства», въ которомъ, кромѣ необходимыхъ календарныхъ свѣдѣній, мы имѣемъ въ виду, помѣстить *собраніе узаконеній*, относящихся какъ къ организациі центральнаго управленія духовнаго вѣдомства, такъ и къ разнообразнымъ правамъ и обязанностямъ духовенства, занимая ихъ, частью изъ «Полнаго собранія законовъ Россійской Имперіи», частью изъ дѣйствующаго «Свода Законовъ», а равно и изъ другихъ источниковъ.

При «Календарѣ» будетъ приложенъ также подробный *адресъ-календарь* лицъ служащихъ по духовному вѣдомству, преосвященныхъ архіереевъ, начальствующихъ и учащихъ въ духовныхъ заведеніяхъ и пр.

Условія подписки на «Церк.-Общ. Вѣстн.» тѣ же, какъ и въ предыдущіе годы, т. е. на годъ 7 руб., на полгода 4 руб., на три мѣсяца 2 р. 50 к., на мѣсяць 1 р. Годовая цѣна за границей 10 руб.—Отдѣльные №№ по 10 коп.

Требованія на газету слѣдуетъ адресовать: *въ редакцію «Церковно-Общественнаго Вѣстника», въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., д. № 3, кв. 5.*

Редакторъ-Издатель А. И. Поповицкій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ВОЛГА.“

НА 1882 ГОДЪ.

Газета «ВОЛГА» выходитъ въ гор. Саратовѣ, по понедѣльникамъ, средамъ, и пятницамъ, а въ остальные дни, по мѣрѣ поступленія матеріала въ редакцію, будутъ выходить прибавленія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ пересылк. въ друг. города на годъ 4 р., на 6 м. 3 р., на 3 м. 1 р. 50 коп., на 1 мѣсяць 75 к.

Письма и деньги адресуются: въ САРАТОВЪ, въ редакцію газеты «ВОЛГА».

Редакторъ-издатель Г. Н. ЮРЕНЕВЪ.

С.-Петербургъ. Типографія И. П. Воцавскаго. Литейный просп., д. № 35.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ЖУРНАЛА

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“

въ 1882 году

(ГОДЪ ТРЕТІЙ).

Въ 1882 году «РУССКОЕ БОГАТСТВО» издается въ томъ же направленіи, какъ и первые два года своего существованія, и при участіи слѣдующихъ постоянныхъ сотрудниковъ:

Л. Алексѣева, Н. Ф. Бажина, П. В. Быкова, П. В. Засодимскаго (Вологодина), А. С. Комарова, А. П. Мичурин, С. Ни — поѣ, В. О. Португалова и И. М. Рева.

Въ вышедшихъ трехъ книжкахъ «Русскаго Богатства» за 1882 годъ помѣщены: I. Что сѣяли, то и пожали. Романъ. Л. Валевской.—II. Ваниа. Разказъ. Владиміра Бѣлозерова. Историческіе эскизы. И. М. Досвитки. Разказъ. В. І. Дмитріевой.—III. Гигіена и народъ. М. Писарева. Жена Блищера. Разказъ. Джона Габертон. Пѣсни Мирзы Шафии. (Фр. Бодэнштедта). П. Якубовича.—IV. Ботльфельтская учительница. Разказъ. Джона Габертон. V. Какъ мы воевали. (Воспоминанія штатскаго о войнѣ). Южанина. Между жизнью и смертью. Разказъ. Сергѣя ...скаго.—VI. Бакалавръ. Романъ. Жюля Валеса. Еще объ Украиннофильствѣ. Украиннофила.—VII. Красивое животное. (По поводу «Нана»). П. Засодимскаго. Письмо съ далекаго сѣвера. (Письмо восьмое). И. Рева.—VIII. Много-словъ мало дѣла. А. Казанскаго.—IX. Стихотворенія: А. Барыковой, К. Л. М., М. Соймонова, Илько, П. Селиванова, В. А.—ва.—X. Хроника внутренней жизни.—XI. Политическая хроника.—XII. Литературная лѣтопись. (Обозрѣніе журналовъ и книгъ).—XIII. Смѣсь.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 15 до 20 листовъ.

Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой 8 р., безъ пересылки и доставки 7 р. Допускается разсрочка: при подпискѣ 5 р., остальные деньги по выходѣ шестой книжки. Подписка принимается въ конторѣ редакціи, С.-Петербургъ, Знаменская ул., д. № 11.

При конторѣ открытъ книжный складъ. Онъ высылаетъ по требованію всякаго рода книги и при этомъ пересылку принимаетъ на свой счетъ, кромѣ казенныхъ изданій.

Редакторъ П. В. Быковъ.

Издательница С. Н. Бажина.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

СТРАНА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

3 РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ЛЕОНИДА ПОЛОНСКАГО.

Подписка на 1882 годъ. Иногородные присылаютъ деньги въ редакцію «СТРАНЫ»: Петербургъ, Пески, 1 ул. № 8. Городская подписка принимается въ конторахъ: при книжномъ магазинѣ И. Г. Мартынова, Невскій 46, а въ Москвѣ—при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, д. Коха. Книгопродавцы получаютъ обычною уступку.

Подписка: на годъ съ пересылкой и доставкой 8 р.; на полгода 5 р.; на три мѣсяца 2 р. 50 к.; на два—1 р. 75 к.; на одинъ мѣсяць 1 р.

«СТРАНА» будетъ издаваться по прежней программѣ, включая политическія статьи по внутреннимъ и внѣшнимъ дѣламъ, статьи экономическія, литературныя, юридическія, по части искусствъ, извѣстія, постоянныя корреспонденціи изъ русскихъ городовъ и изъ Парижа и фельетонъ общественной жизни, съ театральнымъ обозрѣніемъ.

Въ каждомъ номерѣ, по возможности, будетъ помѣщаться фельетонъ или другая статья для легкаго чтенія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ПОЛУЧЕНІЕ ВЪ ТЕЧЕНІИ 1882 ГОДА

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ,

которая будетъ издаваться

ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ.

Подписная цѣна. съ доставкой и пересылкою за годъ—6 р., за полгода—4 р., за 3 мѣсяца—3 р., за одинъ мѣсяць—

1 р. Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ г. Екатеринбургѣ, по Васнецовской улицѣ, въ домѣ Полковой и въ отдѣленіи конторы, въ С.-Петербургѣ, у А. А. Износкова, главнаго комиссіонера казенныхъ горныхъ заводовъ.

Редакторъ П. Штейнфельдъ.

Издательница А. Полкова.

Редакторъ-Издатель Н. М. Ядринцевъ.